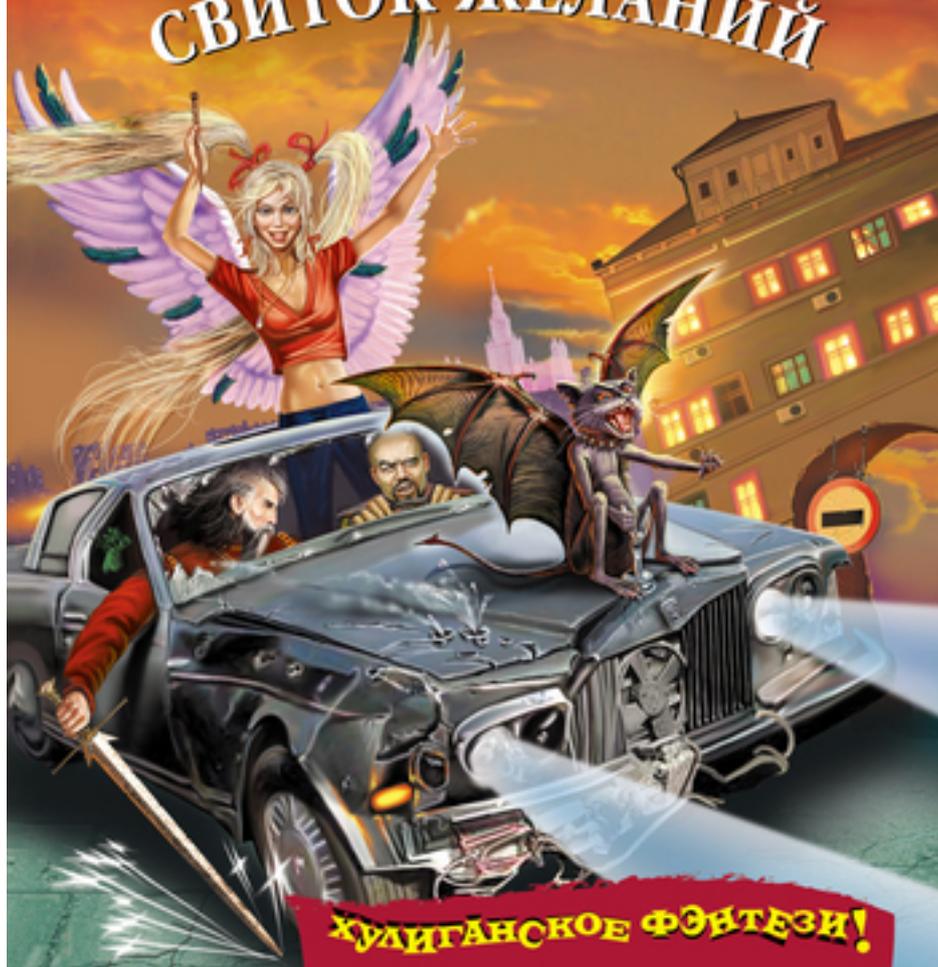

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ

СВИТОК ЖЕЛАНИЙ

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец
Свиток желаний

«Емец Д. А.»

2005

Емец Д. А.

Свиток желаний / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2005 — (Мефодий Буслаев)

В стародавние времена маг-алхимик Бругус изготовил свиток желаний, на который наложил заклинание усиления. Свиток он спрятал в одну из двух шкатулок, защищенных магией Света, и отправил их странствовать в лопухоидный мир. За прошедшие века свиток приобрел чудовищную магическую силу. Свиток желаний – артефакт нейтральный. Он может служить как Тьме, так и Свету. Ищут его златокрылые, ищут и стражи Мрака. Если Таргар обнаружит шкатулку со свитком первым, произойдет катастрофа... А еще мудрецы из Прозрачных Сфер утверждают, что история свитка напрямую будет связана с Дафной, стражем Света, и Мефодием Буслаевым – будущим повелителем Тьмы...

© Емец Д. А., 2005

© Емец Д. А., 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Емец

Свиток желаний

О друг, зачем заботиться о тайнах существования? Зачем мучить тело и душу трудными размышлениями? Живи счастливо, проводи время в радости; при конце тебя не спросят о том, зачем мир таков, каков он есть.

Взгляни на утро, вставай, юноша, и дыши радостью зари! Придет время, что ты будешь искать и не найдешь этой минуты жизни, которая так удивила нас в этом обманчивом мире. Утро сбросило покров мрака – о чем же печалиться? Вставай, будем пользоваться утром, потому что многие утра будут еще дышать, когда в нас не будет уже дыхания.

Персидская Кеям

Странно! Человек возмущается злом, исходящим извне, от других, – тем, что устранить не может, а не борется со своим собственным злом, хотя это в его власти.

М. Аврелий

Душа есть сущность живая, простая, бестелесная, словесно-разумная, действующая посредством тела и сообщающая ему жизнь и возрастание, чувство и силу рождения. Она есть сущность свободная, одаренная способностью хотеть и действовать, изменяемая в воле, имеющая ум... как чистейшую часть самой себя.

Святой Иоанн Дамаскин

Глава 1

Рандеву с неудачником

Москва еще не успела остыть после жаркого и душного июньского дня. Солнце, запыхавшись, лежало на крышах и отдувалось, однако у самой земли уже бродили смутные вечерние тени. Водосточная труба, к которой Дафна походя прикоснулась ладонью, была обжигающе горячей. Даф поморщилась. Стараясь ничем не выделяться среди обычных людей, она не так давно отрегулировала свой болевой порог, сделав его, как у лопухоидов, и теперь не уставала удивляться новым ощущениям, постоянно делая какое-нибудь новое открытие.

Например, выпив в задумчивости кипящей воды, можно согреться на всю оставшуюся жизнь. Новая обувь причиняет массу неудобств. Прикушенный кончик языка болит целую неделю. Если сразу после чая приняться за мороженое – зубы начинают ныть, а эмаль трескается, как древние скалы. Романтично побегав по лужам босиком, легко поймать ступней зазубренное донышко бутылки. В общем, не жизнь у лопухоидов, а сплошные ограничения. Столько всякой ерунды приходится помнить!

Лавируя между прохожими, Даф продолжала свою прогулку, не имевшую ни определенной цели, ни маршрута. В доме № 13 по Большой Дмитровке в этот час принимали отчеты суккубов и комиссионеров. Арей вежливо попросил Даф куда-нибудь сгинуть и не распугивать нервный темный народец своей светлой сущностью и торчащей из рюкзака флейтой. Даф и сама рада была уйти. Пришибленные пластилиновые физиономии мало вдохновляли ее на продолжение знакомства и вообще на созидательный труд.

Адский котик Депресняк, сидевший у Дафны на плече, не оставлял попыток избавиться от комбинезона. Это был черный кожаный комбинезон, весь в заклепках и «молниях». Даф приобрела его в магазине «Зооприкол». Комбинезон скрывал крылья, которые даже теперь вздувались под ним двумя буграми. Кроме того, Даф не удержалась и, хихикая, купила коту миниатюрный строгий ошейник – кожаный с блестящими длинными шипами, которые выступали, правда, не изнутри, как это бывает у серьезных ошейников, а снаружи. К ошейнику Депресняк отнесся еще ничего, терпимо – всего только часик с истошным ором покатался по полу, пытаясь содрать его задними лапами.

Даф проскочила Калошин переулок, перешла Кривоарбатский, как вдруг в Плотниковом переулке дорогу ей преградил черный лимузин невиданной длины. Эх, что это был за лимузин! С литыми дисками, с табуном коней под капотом, сверкающий и восковито блестящий, несмотря на крапины грязи на дверях и крыльях.

Даф остановилась, терпеливо ожидая, пока лимузин проедет. Однако он не двигался, занимая переулок почти во всю ширину. Пожав плечами, Дафна хотела протиснуться между ним и стеной дома, но автомобиль резко сдал назад и, почти уперевшись в дом бампером, снова преградил ей путь. Сквозь тонированные стекла Дафна не могла рассмотреть, кто сидит в машине. Правда, ей казалось, что она различает огонек сигареты, ало тлеющий, как яростный глаз циклопа.

Депресняк на плече Даф перестал сражаться с комбинезоном и насторожился. Хвост кота начал опасно подрагивать. Спина выгнулась. Депресняк зашипел, вцепившись в плечо когтями и щеря мелкие треугольные зубы. Одновременно Даф на телепатическом уровне ощутила исходящие от кота волны ярости и страха. Ярость – ладно. Депресняк, обладавший характером милым и приятным, как сам Тартар, то и дело выходил из себя и бросался на всех без исключения собак, будь они размером хоть с моську имени дяди Баскервилля. Но вот страх... Это было что-то новое. Даже оживающих каменных грифонов в Эдемском саду Депресняк не особенно боялся. Даф не на шутку встревожилась. Ее кот обладал сногсшибательной интуицией, и то, что он кого-то или чего-то боялся, было дурным знаком.

Рука Даф скользнула к флейте и извлекла ее из рюкзака. Однако, прежде чем принимать какие-то меры, стоило определиться, с чем именно она столкнулась. Она сосредоточилась, чуть прищурилась и посмотрела на лимузин *истинным зрением*. Никакой магии она не обнаружила и успокоилась было, решив, что имеет дело с обычным, прихрамывающим на все гормоны лопухоидом из тех, с которыми нет-нет да, увы, приходится столкнуться каждой красивой девчонке. Но это успокоение длилось всего лишь миг. Внезапно сердце Дафны запрыгало на адреналиновой резинке. Желудок сжался. Длинные, не подчиняющиеся законам гравитации волосы посесть не поседали, но вздыбились, вызвав у нездоровой части общественности сложную, близкую к галлюцинации ассоциацию с грозной тибидохской волшебницей Горгоновой М.

Случилось это в миг, когда Даф поняла, что не обнаружила внутри лимузина не только магии, но и вообще НИЧЕГО.

Обычное пространство, когда на него смотришь *истинным зрением*, никогда не бывает незаполненным. Пустоты в мире не может существовать по определению. Даже если в нем отсутствует магия, есть сотни других слабых энергий и течений, которые окрашивают пространство подобно фону в акварели. Каждая вещь имеет свою суть, и эти сути постоянно воздействуют друг на друга. Так, две одинаковых шариковые ручки – одной из которых, скажем, был написан донос, а другой открытка любимой бабушке, – две совершенно разные ручки с магической точки зрения. Лопухоид легко их перепутает, а страж света или мрака никогда. И атомы тут совершенно ни при чем.

Однако в данном случае внутреннее зрение не показывало *ничего*. Все было затерто. Лимузин был *никакой*. Не хороший и не плохой. Он словно и не ездил никогда по улицам,

распугивая кошек и прохожих. На нем не отпечатывались ничьи мысли, которые должны были хотя бы вскользь его коснуться. И одновременно он был очень правильный, зализанный и идеальный. Ощущение создавалось такое, что внутри лимузина зияет компактная черная дыра, аккуратно стянутая розовенькими капроновыми нитками.

С таким защитным экраном Даф прежде сталкиваться не приходилось. Она осознала вдруг, что встретилась с чем-то крайне опасным и неведомым. Поможет ли тут флейта? Неизвестно, как отреагирует на ее атакующие трели неведомое нечто.

Внезапно Даф осенило, что просто *истинного зрения* здесь мало. Или, возможно, взгляд был недостаточно продолжительным... А что, если она будет немного настойчивее и...

Лимузин внезапно взревел, рванулся и, развернувшись в два приема в узком переулке, скрылся в направлении Пречистенки. Номера у него были забрызганы грязью, а рядом с левой задней фарой красовалась наклейка – мертвая голова. И эта голова, уносясь, зловеще подмигнула Даф.

Дафна оторопело посмотрела вслед странному автомобилю, а затем направилась к станции метро «Смоленская». Она шла и размышляла. В одном она была уверена: появление лимузина никак нельзя было объяснить случайностью. Кто-то специально дал Даф понять, что следит за ней. Сделал это явно и демонстративно, почти не скрываясь. Более того: *он заранее знал*, куда Даф направится и где ее можно встретить. И это было самое настораживающее. Настораживающее потому, что этого *не знала* и сама Дафна, бродившая по плохо знакомому ей центру города безо всякой цели.

Даф долго еще кипела и возмущалась, вспоминая вызывающую красную точку за тонированным стеклом, но вскоре молодость и легкомыслие взяли верх, и, увидев возле метро магазинчик, она пересчитала в кармане мелочь. Ошейник Депресняка и его комбинезон оставили Дафну почти без наличности, а попросить у Арея денег Даф как-то пока не решалась. Ну не смешно ли для всемогущего стража света оказаться в таком идиотском положении? Мелочи хватало только на что-то одно: на чипсы или на колу. Взвесив все «за» и «против», Даф купила самую дешевую стеклянную бутылку с колой, подумав, что кола без чипсов остается все же колой, а картофель без колы – всего лишь повисшая в воздухе и оторванная от смыслового центра закуска.

Еще недавно Дафна без зазрения совести телепортировала бы все, что ей нужно, с витрины или, того проще, расплачиваясь с продавцом, щелчком пальцев великодушно превратила бы тарелочку для мелочи в золото, однако теперь это было бы непростительной неосторожностью. Стражи света немедленно засекали бы изменение мистического поля, определили бы индивидуальный магический почерк, и спустя несколько минут здесь был бы отряд златокрылых. И на этот раз сомнительно, что она смогла бы ускользнуть. Никакое везение не может продолжаться бесконечно.

Даф как была, так и осталась беглым стражем в розыске. История с лабиринтом, давшая Мефодию Буслаеву *силу*, мало что изменила в жизни самой Дафны. Генеральный страж Троил, как канатоходец, балансировал на тонкой проволоке между жизнью и смертью. Для остальных же светлых она была теперь изменницей с черными перьями в крыльях. Изменницей, изгнанной из Эдема.

Задумчиво разглядывая пробку, мешавшую ей добраться до колы, Даф размышляла, будет ли правильно, если она даст Депресняку отгрызть горлышко, и не вызовет ли это у лопухоидов какой-нибудь нездоровый интерес. Под конец решено было лопухоидов не волновать. Их короткая семидесятилетняя жизнь и так полна всевозможных потрясений. «Насморк не дремлет. Инфаркт не спит», – добавляла обычно Улита. Даф открыла бутылку о поцарапанный многими предшественниками край телефонной будки и, предвкушая прохладу, стала поднимать горлышко бутылки ко рту. Внезапно рука ее дрогнула. Кола плеснула ей на грудь.

В десятке метров стоял тот самый лимузин. Было очевидно, что он объехал по Глазовскому переулку, таинственным образом миновал все знаки и преграды и кружными путями выполз сюда. Во рту у Даф стало сухо, как в песках Сахары. Первым ее побуждением было нырнуть в метро, куда лимузин точно не мог за ней последовать, а вторым – уверенно подойти к машине и потребовать объяснений. Однако первый вариант показался Даф малодушным. Для второго же требовалась суперотвага, которой не обнаруживалось пока при самых тщательных поисках. В результате Даф не сделала ни того и ни другого, а совершила нечто среднее: а именно – оставшись на месте, стала большими глотками пить колу, хотя удовольствие было уже отравлено. Прохлада теперь радовала ее не больше, чем мотылька, случайно залетевшего под струи водопада. Лимузин оставался на прежнем месте. Из него никто не выходил.

«Будь это стражи света, они вызвали бы златокрылых. К тому же пафосные машины не наш транспорт. Наш приехал бы на велосипеде и нечаянно разнес бы маголодией самосвал, переводя через улицу старушку. Если стражи мрака... хм... эта вульгарщина больше в их стиле. Но зачем им следить так явно, когда мир и без того полон незримых духов, служащих мраку? С какой стати стражам мрака ездить за мной на лимузине, если я и так живу у Арея, у них на виду?.. Да что я, в конце концов, трушу? Нет, надо все-таки подойти! Это просто наглеж! Мне капают на мои тонкие детские нервы!» – рассердилась Даф.

Поставив бутылку на асфальт, она для ободрения коснулась бронзовых крыльев, висевших на шнурке у нее на шее, вытащила из рюкзака флейту и, подойдя к лимузину, сильно постучала в стекло. Лопухоиды смотрели на нее с удивлением. У этой девчонки извилины явно завязались морским узлом. Накинулась на машину, пинает ее, бьет кулаками и размахивает флейтой с решимостью, с которой не всякий дикарь колотит дубиной выползшую на песок черепаху. А тут еще странноватый, лысый, явно долго болевший в детстве кот в комбинезоне и блестящем ошейнике выгнул спину и шипит у нее на плече.

– Эй, кто там есть? Что вам от меня надо, а? Вылезайте! – крикнула Дафна.

Однако стекло лимузина оставалось поднятым. Даже почти уткнувшись в него носом, Даф видела только свое отражение в зеркальной поверхности. На мгновение ошеломленной Дафне показалось, что от ее отражения исходит сияние, а над головой появился золотистый полукруг ауры. Она оцепенела, не веря своим глазам! Стекло лимузина отражало истинные сущности, а раз так, то к миру лопухоидов машина могла иметь лишь очень отдаленное отношение.

В миг, когда Даф это поняла, лимузин вновь тронулся и стал быстро отъезжать.

– Ага! Бегством спасаетесь! Во, во, катитесь, катитесь! Крути педали, пока тебе каталку не сломали! – торжествующе завопила Дафна.

Она ощущала торжество неандертальца, который криками и головнями из костра прогнал из пещеры старого медведя со свалывшейся шерстью и вселился туда со всем семейством, на всякий случай – мало ли кто еще таится во мраке – пропустив вперед тещу.

Стараясь напоследок еще раз стукнуть флейтой по крыше машины, она пробежала несколько шагов, но, поймав на себе любопытные взгляды прохожих, спохватилась и, преисполненная тем же сознанием победы, нырнула в капиллярную сеть московских переулков.

* * *

Примерно через полчаса Даф пересекала по «зebre» Бульварное кольцо, выше метро «Чеховская», у Страстного. Уже шагнув на тротуар, она ощутила укол тревоги. Запоздало, но очень отчетливо она поняла, что кто-то идет следом, причем идет уже давно. Даф резко остановилась и обернулась.

Высокий, атлетически сложенный мужчина в короткой кожаной куртке, с посеребренным ремнем с пряжкой в форме руки скелета тащился за ней как приклеенный. Заметив, что Даф

смотрит на него, мужчина всполошился и уставился в небо с таким нарочитым видом, будто там по меньшей мере обнаружались вражеские парашютисты. Даф засмеялась – так это было нелепо. Вероятно, ее презрительный смех достиг ушей неизвестного, потому что он вдруг, не маскируясь больше, решительно направился к Дафне. Его правая рука скользнула в карман.

Перескочив через скамейку, на которой с одной стороны робко ютилась парочка влюбленных, а с другой, занимая большую ее часть, вальяжно развалился студент-мелиоратор с бутылкой пива и конспектами, Дафна, петляя, кинулась бежать по газону. Депресняк подскакивал у нее на плече, как лихой джигит из пермского цирка. Бежала Даф быстро. Мир дробился. Мамы с колясками, урны, свежесаженные липы на бульваре – все веселилось, кружилось, прыгало в глаза суетливыми пятнами.

Даф показалось, что она оторвалась от своего преследователя, но неожиданно он возник прямо перед ней – возник так внезапно, словно и не бежал, а просто стоял и ждал ее, скрестив на груди руки. В панике Даф перемахнула через чугунную ограду, стремительным хаосом движений распугала мчащиеся машины и бросилась к первому попавшемуся подъезду. Схватившись за длинную деревянную ручку, она рванула ее, обрадовавшись, что нет кодового замка, метнулась по лестнице вверх. Пронеслась мимо ящиков, взлетела на десяток ступеней, и... прямо перед ней выросла железная дверь. Проклятый кодовый замок все-таки был установлен, но не внизу, а почему-то между вторым и первым этажами. Мелкое и подлое злодейство!

Даф поняла, что сама загнала себя в ловушку. Прятаться в подъезде с ее стороны было очевидной глупостью. Если уж бежать, то бежать в людное место. Она толкнула дверь плечом, стала хаотично нажимать на кнопки – бесполезно. Глупое бездушное железо не собиралось ее пропускать. Тогда Даф схватилась за флейту, готовая прибегнуть к атакующим маголодиям. Пусть златокрылые ее засекут, но не сдаваться же без боя!

– Прорываемся, Депресняк! Приготовься! – шепнула она.

Кот зашипел и со звуком вылетающего от нажатия кнопки на ноже лезвия выпустил когти. Он, как вчерашние котлеты в холодильнике, был всегда готов.

По лестнице уже грохотали шаги. Вначале показался носок тяжелого ботинка, а через мгновение и преследователь. Капли пота на его широком лбу вытянулись цепочкой, как Курильские острова. Руку он по-прежнему держал в кармане.

– Эй ты, стой! Только шевельнись – и пожалеешь! – крикнула Даф, вскидывая флейту к губам.

Это была серьезная угроза. Мощь маголодий не уступала автоматическому оружию. Так, во всяком случае, утверждал Мефодий, наблюдавший однажды, как Даф вдребезги разносит маголодиями кирпичи, которые он по ее просьбе подбрасывал.

Незнакомец отстранился, озабоченно поглядывая на флейту. Это было уже странно. Лопухоидов обычно сместило, когда им угрожали флейтой. Вероятно, сказывалось многолетнее влияние пословицы: «Дураком родился, дураком помрешь».

– Уф! Заставила ты меня-таки побегать! – сказал он, отдуваясь.

– Без шуток! Что у тебя в кармане? Достань руку... медленно... еще медленнее... никаких искр, никаких фокусов! Я предупредила! – нервно повторила Даф.

– Хорошо, хорошо. Ты тоже поспокойнее!

Пожав плечами, мужчина медленно вытащил из кармана руку и разжал кулак. Даф недоверчиво подалась вперед. На ладони у него лежали маленькие серебряные крылья, от которых волнами исходил яркий свет. От бронзовых крыльев Дафны, висевших на шнурке у нее на шее, они отличались тем, что оба крыла смотрели немного назад, имея едва заметный излом. Если бронзовые крылья имели сходство с орлиными – эти больше напоминали крылья буревестника или альбатроса.

– Ты что, тоже страж света? А почему у тебя крылья какие-то не такие? – спросила Даф уже гораздо более миролюбиво, не опуская, однако, флейты.

– Да, я светлый. Но я не из Эдема. Я не из тех, кто считает тебя изменницей и жаждет твоего наказания! – с улыбкой сказал незнакомец.

– Хм... Звучит как-то мутно. А откуда ты тогда? – поинтересовалась Даф не без вызова. Судьба вновь начала искушать ее возможностью бытового хамства.

– Я из Прозрачных Сфер, доброе дитя! Я твой страж-хранитель! Мое имя Эссиорх!

Даф оцепенела. Флейта в ее руках сама собой опустилась. Прозрачные Сферы, расположенные на верхнем из семи небес, были местом обитания тех, кто стоял над стражами и оберегал их. Даже у Троила был там свой опекун.

– Ты мой страж-хранитель? Ты? – спросила она недоверчиво.

– А почему нет? – удивился незнакомец.

Даф с подозрением уставилась на него. Разумеется, она знала, что страж-хранитель у нее несомненно существует. Но чтобы ее страж выглядел так... э-э... стремно. Она, признаться, представляла себе нечто куда более почтенное. Эдакое лысоватое, в очках в черепаховой оправе, слегка занудное, тянущее слова, с нотной папкой под мышкой и крошечным пятнышком зелени на щеке, под которым скрывается маленький и приличный учительский прыщик... А тут... кгхм... военные ботинки, весь в коже, провоцирующий ремень... м-м-м... а вообще, если разобраться, занятно. Заполучив такого стража-хранителя, она и здесь сумела остаться в своем репертуаре.

Эссиорх, склонив голову, оценивающим взглядом окинул свою фигуру и ремень с пряжкой в форме руки скелета.

– Тебя смущает мое тело, доброе дитя? Разве ты не знаешь, что хранители из Прозрачных Сфер, в отличие от вас, эдемских стражей, не могут пребывать на земле в своих истинных телах? Признаться, меня тоже беспокоит этот brutальный облик, гора мышц и подбородок дикаря, однако других тел на нашем земном складе не оказалось. Выбор был убог до ничтожности. Учитывая, что говорящая собака – это как-то несерьезно для первой встречи стража и его хранителя, я выбрал все же человеческое тело. К тому же были еще... хм... некоторые причины.

Даф кивнула.

– Хорошо, что не собака. Мой котик... В общем, я хочу сказать, что собаку могли слегка поцарапать. Люди бы потом думали, что она баловалась, извиняюсь, с циркулярной пилой.

– Даже говорящую? – ужаснулся Эссиорх.

Даф убито кивнула.

– Увы. Я не думаю, что она успела бы высказаться. Даже слово «привет» она договорила бы только до буквы «р»...

Эссиорх укоризненно покачал головой.

– Кгхм... Ну, как бы там ни было... Доброе дитя мое, я очень спешил, чтобы сообщить тебе: твоя бессмертная сущность и твои крылья в большой опасности.

Даф потупилась. Эссиорх посмотрел на нее с хорошо отработанной испепеляющей суровостью. Даф узнала суровость № 27 из Общего каталога укоров и нравоучений для воздействия на смертных и бессмертных существ, наделенных совестью (программа 97 класса средней стражеобразовательной школы).

«Ого, а наших хранителей учат по тем же учебникам!» – восхитилась она мысленно.

– Внемли мне, несчастное дитя! Внемли и устрашись! Мало тебе, что ты – вольно ли, невольно – ступила на скользкий путь служения стражам мрака, мало, что твои новые хозяева похищают эйдосы! Мало, что круг твоего общения составляют комиссионеры, проклятые ведьмы, языческие бомжи... – загрохотал он.

Ощувив, что оговорился, Эссиорх слегка поморщился, однако исправляться не стал. Думал небось, что и так проскочит.

– А это что еще за птицы – «языческие бомжи»? Одичавшие троянцы из уцелевших? Опасные, должно быть, экземпляры? Может, ты имел в виду языческих богов? – безжалостно поинтересовалась Даф.

Однако ее укол не удался. Эссиорх уже сообразил, как вывернуться.

– ... Не перебивай! Для этих язычников, мнящих себя богами, у меня нет другого определения... А суккубы, смущающие праведный сон смертных распалющимися видениями, разве они то общество, которое нужно светлому стражу? Но даже не о том речь! В конце концов, все это можно списать на случайность и заблуждения молодости. Ты же сотворила нечто более ужасное, совсем кошмарное! – Эссиорх воздел палец и провел им вдохновенную линию, один конец которой упирался в ближайшую тучку, а другой в нос Даф.

Дафна с тревогой ожидала продолжения. И оно немедленно последовало.

– Оттиск твоих светлых крыльев оказался на свитке, украденном одним из слуг мрака. Своим поступком ты вонзила кинжал в сердце света! Смешала карты добра и зла! Ты хотя бы понимаешь, что натворила?

Эссиорх увлекся. Его голос поднимался все выше. Стекла подъезда завибрировали. Кодовый замок нагрелся. Блестящие кнопки заплакали раскаленным металлом.

Даф кашлянула вежливо, но настойчиво.

– Можно вопросик?

– Задавай! – сказал Эссиорх, явно горя желанием вступить в полемику и опровергнуть все ее доводы.

– Вы сказали: «Оттиск твоих крыльев оказался на свитке». На каком свитке-то?

Эссиорх нахмурился.

– Как? Ты притворяешься? Смеешь обманывать меня? Лгать своему стражу-хранителю?

– Да не вру я. Не видела я никакого свитка... То есть свитков-то я видела три вагона, но чтобы какой-то слишком уж особенный, запоминающийся... Да и крылья я нигде не оттискивала! – заявила Даф, посмотрев на Депресняка. – А ты что думаешь?

Кот оставил свое мнение при себе.

Эссиорх закипел от негодования. Он нацелил в грудь Даф укоризненный перст, собираясь продолжать разоблачения, но неожиданно осекся.

– Э-э... Какой сегодня день недели? – спросил он рассеянно.

– Понедельник, – произнесла Даф с сомнением. В лопуховидных днях недели она разбиралась неважно. – Да, точно. С утра был понедельник, раз к Арею комиссионеры притопали, – добавила она, поразмыслив.

Эссиорх схватился за голову.

– О горе мне! Я все перепутал! Переносясь сюда из Прозрачных Сфер, я не учел разницы земного времени, не подумал о естественном небесном опережении и предупредил тебя о событии, которое пока не произошло, тем самым нарушив непреложный закон свободы выбора.

Тут Эссиорх, не щадя своего тела, сильно стукнул себя по лбу одним из перстней. Он сделал это с таким рвением, что на лбу появился отпечаток.

– А теперь я вынужден откланяться и покинуть тебя! Но помни, о чем я сказал тебе! – заявил он и начал торопливо пятиться, явно собираясь исчезнуть.

– Постой! – крикнула Даф. – А в лимузине это ты был?.. Можно же на «ты», или это наглость?

Хранитель остановился.

– На «ты»? Это наглость, но можно, – сказал он после некоторого колебания. – Где-где я был?

– В машине, которая следила за мной. Ну скажи, для меня это важно! Зачем нужны были эти фокусы? Чтобы у меня на нервах поиграть?

Эссиорх посмотрел на нее с недоумением.

– Да будет тебе известно: я отыскал тебя только двадцать минут назад. Отыскал с помощью той нерасторжимой связи, которая всегда есть у стража и его хранителя. Я был в шоке. Я совсем отвык от мира смертных. В последний раз я был здесь во времена Древнего Вавилона. Помнится, я застал целую толпу бездельников и, чтобы народ не болтался без дела, предложил им построить башенку. Обычную маленькую башенку. Кто же знал, что лопухойды так увлекутся? Мое начальство было очень недовольно.

– Хорошо, не ты, так не ты. А сам лимузин-то ты видел? – продолжала допытываться Даф.

– Нет. Надо полагать, в виду имеется транспортное средство, одно из которых с милой дамочкой за рулем попыталось меня задавить, когда я задумался о чем-то на проезжей части? – уточнил Эссиорх.

Даф испытующе посмотрела на него и решила, что его словам можно верить. Весомым аргументом в пользу того, что Эссиорх говорил правду, послужило то, что Депресняк отнесся к Эссиорху доброжелательно. С учетом своей специфики, разумеется. Во всяком случае, он не напрягался и не шипел, как до того на лимузин.

«Значит, мной интересуются не только златокрылые и хранитель из Прозрачных Сфер... Я становлюсь популярной. Только этот вид популярности мне как-то не очень по душе», – решила Даф.

– Почему ты так долго не был в смертном мире? – спросила Даф, решив проявить внимание.

Казалось бы, невинный вопрос привел Эссиорха в замешательство.

– После вавилонских дел у меня начались неприятности по службе... Э-э... Я был слегка не у дел, пока не появилась ты. И тут вспомнили обо мне, – уклончиво протянул он, разглядывая свои здоровенные ручки с вежливым познавательным интересом.

– Никому нельзя было доверить такое важное дело? Я имею в виду меня? – воодушевилась Даф.

Эссиорх улыбнулся вымученной улыбкой. Так улыбается тот, кто только что упал со стула и теперь пытается представить это как шутку.

– О нет. Я боюсь, что дело куда проще. Больше никто не согласился тебя взять... Все спихивали тебя, как могли. В конце концов нашли крайнего. Этим крайним оказался, увы, я. Мы с тобой, как очень верно говорят лопухойды, одного гроба черви.

– Как-как? Одного поля ягоды?

– Одного гроба черви! – упрямо повторил Эссиорх. – И не спорь! Так говорят. Я читал в словаре, когда готовился к высадке в человеческий мир.

– А, я поняла! Шмыгалка рассказывала, что одно из изданий лопухойдного фразеологического словаря сглазили стражи мрака. Ее хороший знакомый, узнав об этом, купил сразу двенадцать таких словарей, чтобы раздаривать их друзьям. Так вот, по закону подлости, он просчитался, Шмыгалка оказалась тринадцатым его другом, и ей такого словаря не хватило. Она все убивалась! – уточнила Даф.

Эссиорх пропустил ее слова мимо ушей, думая о чем-то своем.

– Дафна! У меня к тебе просьба... личная... Я попрошу тебя никому не рассказывать, что я появился со своей укоризной раньше времени. У нас с этим строго, учитывая, что у меня и раньше бывали проколы. Могу я надеяться, что все останется между нами?

Даф покровительственно кивнула и похлопала своего хранителя по твердому, как гранит, плечу.

– Не бойсь! Я вошью в рот «молнию» и буду застегивать ее всякий раз, как попытаюсь что-то вякнуть... Депресняк тоже надежный парняга. Кроме хорошей драки, ночного полета и персидских кошек, у него слабостей нет. И интересов, кстати, тоже, если не считать сырое мясо.

В железную дверь, случайно заваренную укоризной Эссиорха, давно уже кто-то нервно барабанил изнутри. Оставаться в подъезде дольше не имело смысла. Даф и Эссиорх вышли, не дожидаясь, пока лопухойды вызовут спасателей МЧС или пожарных.

Над Москвой медленно сгущались сумерки, точно кто-то последовательно убирал у экрана монитора яркость. Ветер играл отклеившейся рекламой.

Автомобили с маниакальным упорством мчались по кольцу бульваров. Их водители старательно делали вид, что у них где-то есть важные дела. И, разумеется, никого из этих симулянтов бурной деятельности, магистров переливания из пустого в порожнее, не заботило, что тут, в двух шагах от них, светлый страж Дафна обсуждает со своим хранителем из Прозрачных Сфер судьбу лопухойдного мира.

Внезапно Депресняк издал предостерегающий гортанный звук. Даф вскинула голову. Она ощутила острое беспокойство. За то время, что она находилась в подъезде, в магическом поле над Москвой что-то изменилось. Прежде нейтральное и вялое, теперь оно полыхало, как северное сияние. Даф всмотрелась в небо над крышами домов. Ей почудилось, что справа, где-то очень высоко, мелькнули две золотистые точки. Прежде чем Даф успела сфокусировать на них взгляд, точки скрылись. Почти сразу в другой части Москвы, где-то безумно далеко, на окраинах, мелькнула еще одна точка. Прочертила полукруг и тоже скрылась. Точки походили даже не на искры, а на трепетные желтые листья кленов, когда в вечернем сумрачном лесу на них вдруг падает последний солнечный луч.

– Златокрылые. Их над городом десятка два. Они появились минут десять назад, – со знанием дела произнес Эссиорх, отвечая на ее невысказанный вопрос.

– Что они здесь делают? – с беспокойством поинтересовалась Даф.

– Хм... Странный вопрос. Ищут, разумеется.

– Меня?

– На этот раз не тебя. Хотя, если ты попадешься им на глаза, – сомнений нет, тебя сразу атакуют. Так что никакой заметной магии. Будь тиха, как дохлая мышь в четвертом энерго-блоке... Ой, снова сглаженный словарь! А теперь, если интересно, взгляни вон туда... Над тем домом на углу, нашла?

– Нет.

– Всматривайся внимательнее. Выше рекламного щита, выше чердака... Видишь черную жирную кляксу? Ну!

Даф пригляделась и действительно увидела то, о чем говорил Эссиорх. По воздуху, удаляясь от них, неторопливо двигался сутулый человечек в плаще. Он шел и пронзительно всматривался в стены домов. Для его маленьких бесцветных глаз не существовало преград. Ни стены из бетона, ни железо крыш – ничто не могло укрыть, спрятать. Всюду дотянулась бы маленькая липкая рука. На самом важном и сокровенном сомкнулись бы клейкие пальцы.

На соседней улице Дафна увидела еще одну точно такую же фигурку. И еще одну. И еще. Фигурки двигались параллельно, квартал за кварталом прочесывая город.

Даф вцепилась в ошейник рванувшегося у нее с плеча кота и до крови уколола шипом палец.

– Кто это? Штражи тышмы? – спросила она невнятно, зализывая ранку.

Эссиорх с недоумением покосился на нее.

– Какие еще стражи? Не смей меня! Заурядные комиссионеры. Над городом их сотни, но все равно комиссионерам приходится быть осторожными. Златокрылые нынче не в духе. То и дело атакуют.

– Правда?

– Я не лгу без веских причин! – оскорбился Эссиорх.

– А стражи мрака не защищают своих комиссионеров?

– С какой стати? Что такое для мрака дюжина расплющенных и изгнанных в Таргар комиссионеров? Мрак никогда особенно не жалел глины и пластилина. Кстати, ты в курсе, что у некоторых недавно изготовленных комиссионеров есть даже кровь? Мы разбирали это на инструктаже. Их кровь – порошок для офисных принтеров, разбавленный одеколоном «Тройка» либо этиловым спиртом. Лигул глумится над образом и подобием как хочет... – произнес Эссиорх с горечью.

Неожиданно он резко повернулся, подхватил Дафну под локти и быстро перенес ее в арку. Лопухойды оглядывались на них с тревогой. Некоторые героически настроенные мужчины даже останавливались. Дафна, едва Эссиорх поставил ее на землю, замахала руками, показывая, что все в порядке и никто на нее не нападает.

– Тише! Разумеется, никто не может вмешаться в разговор хранителя с его подопечным, но все же лучше не светиться! – прошептал Эссиорх, прижимаясь к стене и осторожно выглядывая из арки.

Даф увидела, как сутулый комиссионер в плаще вдруг вскинул голову, высматривая кого-то, затем ссутулился, съежился и трусливо нырнул в чердачное окно. Почти сразу небо прочертила яркая вспышка. Над улицей в золотистом сиянии промчалось *нечто*, чего нельзя было увидеть лопухойдным зрением. Мелькнули ослепительные крылья и суровый профиль, продолженный росчерком флейты. Некоторое время златокрылый, очевидно, размышлял, следует ли продолжать погоню по чердачным закоулкам и канализационным трубам, которые так любят создания мрака, а затем, раздумав, устремился за другим комиссионером, тем, что прочесывал район кварталом выше. Бедолага комиссионер, растерявшись, заметался по бульвару от одной вывески к другой и лишь в последний момент, спасаясь от атакующей маголодии светлого стража, отчаянно нырнул пластилиновой головой в сточную решетку для дождевых вод. Нырнул, вдавился туда жидкой глиной и скрылся.

Златокрылый набрал высоту и исчез за плоской крышей кинотеатра. Убедившись, что опасность миновала, комиссионеры выбрались из своих убежищ, встряхнулись, кое-как восстановили расплющенные формы – особенно поизмялся тот, что протискивался сквозь решетку, – и продолжали прочесывать город.

– Что они тут делают? Комиссионеры и златокрылые? Почему их так много? – с тревогой спросила Даф.

– Ищут. И те и другие. Вот только в пронырливость пластилиновых мерзавцев я верю почему-то больше, – грустно заметил Эссиорх.

– И комиссионеры не меня ищут? – на всякий случай спросила Даф.

Эссиорх посмотрел на нее с состраданием.

– Доброе дитя мое! Ты снова за свое? Как нам некогда говорили на инструктаже: двойное повторение вопроса свидетельствует либо о депрессивной заторможенности, либо о маниакальной подозрительности. Зачем мраку искать тебя, когда ты и так у Арея? Нет, им нужно нечто иное, – пояснил он, всем своим тоном показывая, что не будет пояснять, что это за *нечто*.

– Хорошо, не говори. А поиграть в горячо-холодно можно? – быстро спросила Даф.

– Поиграй. Но я ничего не обещаю, – подчеркнул Эссиорх.

– Само собой. Им нужен случайно не тот свиток, на котором окажется отпечаток моих крыльев? – спросила Дафна.

– Я и так сказал слишком много, – буркнул хранитель.

– А какая ценность у свитка? Почему он так нужен мраку? Эссиорх, не упрямясь! Зачем скрывать от меня то, что известно уже всем? – быстро спросила Даф.

Страж-хранитель ощутимо смутился. Тайна выходила какой-то уж больно прозрачной. Но все равно он продолжал упорствовать:

– Мне пора. Мы еще увидимся! До встречи!.. И не обижайся! Я не могу, просто не имею права...

Кивнув ей, Эссиорх быстро выскочил из арки. Его поспешное отступление походило на бегство. Когда, опомнившись, Даф устремилась за ним, улица была пуста. Лишь ветер раскачивал подвешенный на проволоке знак «Стоянка запрещена».

Размышляя о странных событиях сегодняшнего дня, Даф медленно побрела на Большую Дмитровку. Ее с минуту уже не оставляло одно подозрение. Подозрение мало-помалу укреплялось и превращалось в истину. Истина же заключалась в том, что ее страж-хранитель был хронический неудачник.

– У самого бестолкового светлого стража просто по определению должен быть самый безбашенный хранитель. Все закономерно. А ты что думаешь, а? – спросила она, обращаясь к Депресняку.

Но кот думал о том, что по противоположной стороне улицы, довольно далеко от них, идет собака. При этом идет крайне нагло, держит хвост бубликом, облаивает машины и двусмысленно обнюхивает столбы. Даф пришлось вцепиться Депресняку в ошейник и прекратить дискуссию.

Глава 2 «Ручонки загребушие»

Мефодий с раздражением пнул стул. Битых полчаса он пытался мысленным магическим посылом зажечь свечу, стоявшую на стуле в каком-то метре от него. Однако, несмотря на столь малое расстояние, свеча упорно игнорировала его. Зато когда Мефодий вышел из себя и попытался выбросить все связанное с этой неудачей из головы, свеча упала и мигом превратилась в лужицу воска. Причем – что Буслаев обнаружил почти сразу – вместе со свечой расплавился и металлический подсвечник.

– Я ничего не умею. В магии я – полный ноль. Она у меня то слишком слабая, то слишком сильная. И это я, будущий повелитель мрака? Они все бредят! Лучше бы Арей учил меня чему-нибудь, кроме рубки на мечех! – пробурчал Мефодий, награждая стул еще одним пинком.

Стул отъехал по паркету с полметра, пару раз качнулся в задумчивости и падать раздумал.

Несмотря на то, что июль не просто уже маячил на горизонте, а буквально танцевал лезгинку на самом кончике носа, Мефодий по-прежнему жил в гимназии «Кладезь премудрости», где не закончились еще годовые экзамены. Присмиривший Вовва Скунсо не позволял себе никаких фокусов и был похоронно вежлив.

Директор Глумович здоровался с Мефодием всякий раз, как видел его в коридоре, даже если они встречались семь раз на дню. При этом Буслаев постоянно ощущал его печальный, преданный, почти собачий взгляд. Изредка Глумович подходил к Мефодию и пытался пошутить. Шутка была одной и той же: «Ну-с, молодой человек! Расскажите мне ваш беспорядок дня!» – говорил Глумович бодрым голосом, но губы его прыгали, а лоб был пористым и потным, как мокрый апельсин. Мефодий всякий раз напрягался, чтобы не впитать случайно его размытую грязно-малиновую ауру.

Экзамены, впрочем, принимал не Глумович, и Мефодию, сильно подзапустившему учебу в предыдущих классах, приходилось нелегко. Выручало в основном то, что среди вельможных учащихся «Кладезя» тормозов и без него хватало. Природа, нажив грыжу в родителях, отрывалась в их детях на полную катушку.

Выкинув в корзину испорченный подсвечник – он не остыл еще и обжег палец, – Мефодий вышел из комнаты и бесцельно отправился бродить по гимназии. Мягкие дорожки скрадывали шаги. Искусственные пальмы томно нежились в лучах ламп дневного света.

Учеников в коридорах практически не встречалось. Вечерами за большинством из них заезжали родители, и тогда с другой стороны ворот, у проходной, выстраивалась целая выставка «Лексусов», «Мерседесов», «Ауди» и «БМВ». На большее или на меньшее фантазии у «премудрых кладезников» обычно не хватало. Дожидаясь своих детенышей, патеры известных фамилий лукаво подмигивали друг другу проблесковыми маячками и нажимали на гудки, приветствуя знакомых.

Мефодий медленно брел по пустым гимназическим коридорам, от нечего делать изучая фотографии прежних выпусков, читая рекламу, расписания и вообще все подряд. Он давно обнаружил за собой особую, почти патологическую привязанность к печатному слову. В метро ли, в детской ли поликлинике, в магазине – везде, где ему приходилось скучать, его глаза устремлялись к любой букве и любому тексту, будь это даже пожелтевший, наклеенный некогда под обои кусок газеты. Вот и сейчас он заинтересовался забавным плакатом у медпункта. На плакате был изображен краснощекий и красноносый юноша, лежащий в кровати с градусником, который то ли торчал у него под мышкой, то ли, как стилет, пронзал его сердце.

Над головой юноши помещалось белое облачко со следующим текстом:

«Ваше здоровье – наше богатство. При первых признаках насморка, который может быть симптомом гриппа, немедленно ложитесь в постель и соблюдайте постельный режим. Только так вы сумеете избежать осложнений».

Вместо восклицательного знака надпись увенчивалась еще одним градусником, братом первого, с температурой, застывшей где-то на 37,2. Мефодий мгновенно оценил свежесть идеи. Симулировать насморк он мог практически постоянно. В половине же случаев и симуляция не была нужна.

«Эх, жаль, я раньше не знал! Гробил, можно сказать, здоровье! Сколько школьных дней проучено зря... А с Ареем, боюсь, не прокатит! От стражей мрака насморком не отмажешься!» – подумал он и стал спускаться по лестнице.

Вскоре Мефодий был уже на Большой Дмитровке. Дом № 13, по-прежнему окруженный строительными лесами, не вызывал у прохожих даже любопытства. Обычный дом, ничем не примечательнее других домов в округе. Мефодий нырнул под сетку, покосился на охранные руны, вспыхнувшие при его приближении, и, толкнув дверь, вошел.

* * *

Комиссионеры и суккубы в большинстве своем уже сдали отчеты и свалили. Лишь смутный запах духов, спертый воздух, заплесанный пол и кучи пергаментов на столах доказывали, что только что здесь было столпотворение. Улита выглядела раздраженной. Мраморная пепельница, которой она целый день вправляла комиссионерам мозги, леча их от приписок, была вся в пластилине. Стремясь задобрить разошедшуюся ведьму или хотя бы перевести стрелки, комиссионеры ябедничали друг на друга.

– Хозяйка, хозяйка! А Тухломон опять прикололся, – зашептал один противным голоском, прикрывая рот ладошкой.

– Где?

– Да вон висит.

Улита повернулась и убедилась, что глумящийся Тухломон действительно висит на входных дверях, а из груди у него торчит рапира, всаженная по самую рукоять. Голова повисла, как у куренка. Из полуоткрытого рта капая чернила. Это кошмарное зрелище впечатлило бы многих, но только не Улиту.

– Эй ты, клоун! Быстро полужил инструмент, где взял, и подошел ко мне! Считаю до трех, четыре уже было!!! – завопила она.

Тухломон, щурясь, как кот, которого собираются наказать тапкой за нехорошие привычки, грустно открыл глаза, освободился от рапиры и на подгибающихся лапках подошел к Улите. Ведьма безжалостно и точно стукнула его по носу тяжелой печатью темной канцелярии. Комиссионер скривился, изображая смертельную и вечную обиду, вытер слезящиеся глазки, а уже спустя минуту ужом вился вокруг Буслаева.

– Как здоровье его будущего величества? Ручки не потеют? – ехидно спрашивал он, приседая.

– А как твое? Не чихается по ночам, совесть не чешется? – отвечал Мефодий любезностью на любезность.

– Ничего-с. Благодарю-с... Это только вы ночью спите... А мы ночью, как и днем, в трудах-с! Сами извольте видеть! – отвечал комиссионер.

– Смотри не перетрудись!

– Не перетружусь. Не извольте беспокоиться. Ради вас себя поберегу-с, – загадочно отвечал Тухломон.

Он хихикнул и удалился, вежливо шаркнув поочередно обеими ножками.

Аррей, по обыкновению, отсиживался в кабинете. Входить к нему можно было лишь по приглашению. Начальник русского отдела Тартара находился там почти безвылазно – днем и ночью. Лишь недавно, никого не предупредив, пропал куда-то почти на три дня и появился так же внезапно, не дав никому объяснений.

Рядом с Улитой помещалась Аида Плаховна Мамзелькина собственным трупом. Щечки у Аиды Плаховны были румяные, а глазки узенькие. Похоже, она успела уже присосаться к медовушке. Судя по довольному виду обеих, Улита и Аида Плаховна занимались приятнейшим делом на земле – злословием.

Закинув на стул костлявые ноги, Мамзелькина смотрела сквозь глухую стену дома № 13, которая не была препятствием для ее всевидящих глаз.

Был тот бойкий вечерний час, когда всякое двуногое прямоходящее существо куда-то спешило или откуда-то возвращалось. По тротуарам, аллеям, пешеходным переходам и мостам десятиллионного мегаполиса сновали лопухоиды.

– Улита, голубка моя недобитая, взгляни-ка туда! – кудахтала Мамзелькина. – Смотри, какой идет серьезный, представительный мужчина! Какая царственная осанка! Как он несет свое дородное дело, как твердо и спокойно взирает перед собой! Посмотри, как все уступают ему дорогу! Должно быть, думают, что это префект округа, обходящий владенья свои в поисках, чего бы еще снести! На самом же деле это всего лишь Вольф Кактусов, графоман и тихий подкаблучник, которого жена послала за пельменями в универсам на углу. Не правда ли, как обманчиво первое впечатление? Интересно, как бы этот индюк запел, если бы я сейчас расчехлила свой инструмент?

– Может, проверим? – невинно предложила Улита.

Аида Плаховна погрозила ей пальцем, составленным, казалось, из одних только суставов и костей.

– Не положено. Разрядки покамест не было... У меня, лань моя неостреленная, не самодеятельность! У меня учреждение! Так-то, сокровище мое могильное! – назидательно сказала Аида Плаховна.

Улита вздохнула так печально, что на полтора километра вокруг у всех погасли газовые конфорки, и откинулась на спинку стула.

– Чего грустишь, милбья? Тошно тебе? – сочувственно спросила Мамзелькина.

– Ох, Аида Плаховна! Тошно, – пожаловалась секретарша.

– Чего ж тошно-то?

– А то и тошно, что не любит меня никто. По вечерам я так устаю от гуманизма, что мне хочется кого-нибудь прибить.

– Ты это, девка, брось! Не распускай колотушки! То-то я смотрю, комиссионеры у тебя все увечные ходят! Не бери тяжелого в руки и дурного в голову! – строго сказала Мамзелькина.

Она повернулась и увидела застывшего в дверях Мефодия, смотревшего на нее не без любопытства.

– О, и этот, цыпленочек недорезанный, тут шастает! Все шастают! По городу хожу, по сторонам смотрю. Сил моих нетути! Комиссионеры шастают, златокрылые шастают – и всем чегой-то надо! А теперь и этот, молодой да зеленый, расшастался! Ну что шастаешь-то, больной, что шастаешь? – заохала старуха.

Мефодий буркнул что-то недовольно. У него было собственное мнение по поводу того, кто шастает, а кто квасит медовуху.

Аида Плаховна всплеснула руками.

– Ишь ты, осмелел, поди, раз со мной так разговариваешь! Наслышана я о твоих подвигах, наслышана! Лабиринт прошел, магию древних хапнул, а ключа-то к силам не нашел покуда... Не горюй, лупоглазенький, все склеится. А что не склеится, то похоронится. А что не похоронится, то прахом ляжет. Мрак – он, ить, тоже не в один день строился.

Мефодий нетерпеливо кивнул. Он не любил, когда ему намекали, что рано или поздно он станет повелителем мрака. Это было так же невыносимо, как лезть комиссионеров и сладкое хихиканье суккубов.

Мамзелькина испытующе склонила голову набок и принялась придвигаться к Мефодию на стуле с такой резвостью, точно стул сам семенил на гнутых ножках.

– Что смурной такой, ась? Души прекрасные нарывы жить не дают? Как твой эйдос, роднуса? Не добрались покуда до него ручонки загребуш-ш-шие? Смотри, тут ручонки-то много, ой много! – заохала она.

– Вы меня на понт не берите! Меня и не такие на понт брали! – неосторожно вякнул Мефодий.

Последнее время он так привык хамить комиссионерам, что теперь непросто было отвыкнуть. Нахамил и разом почувствовал, как вспотел от собственной храбрости. Зачехленная коса, стоявшая в углу, нехорошо звякнула. Ее тень, падавшая на стену, загадочно раздробившись, сложилась в слова:

«Mors sola fatetur, quantula sint hominum corpuscula».¹

Однако либо Аида Плаховна была в хорошем настроении, либо решила на этот раз спустить.

– И, милый, не пойму, о чем толкуешь. На зонт какой-то тебя беру... Нам зонтов чужих не надо. Мы люди трудовые, косари мы... Нам, окромя эйдосов, ничего чужого не положено... Не химики, не плотники, могилы мы работники! Так-то, брульянтовый мой, ямочка ты моя незакопанная!

Тем временем Улита достала большую шоколадку, подsunутую кем-то из предприимчивых суккубов, и зашелестела фольгой. Мефодия она по обычной своей невнимательности не угостила, а Мамзелькина, кроме медовухи, ничем не злоупотребляла.

– Я вот о чем вчера подумала... – сказала Улита шоколадным ртом. – О тебе подумала! Странная у тебя фамилия для повелителя мрака. Буслаев! Подозрительная она какая-то в наше сложное время. То есть я понимаю, конечно, Васька Буслаев, новгородский богатырь, оглоблей размахивал, то да се... Вроде благонадежно все... Да только для руководителя все равно не то. Лучше б ты был Петров или Смирнов.

Мамзелькина с ней не согласилась:

– Не-а, родная, не ври напрасно. Не надо ему Смирновым быть. Смирновых в розыске много. Ужо я-то знаю. А ежели и инициалы совпадают – тут совсем беда. Притаскиваю как-то одного в Тартар, ан оказывается: однофамилец! «Обозналась, говорят мне, старая! Ты кого хватаешь?» А чего обозналась-то? Вот заявочка: Смирнов П.А., 1964 года? Вот вам: Смирнов П.А., 1964 года! Получите груз! – сказала Аида Плаховна и потеряла ручки.

– И что, обратно отнесла? – спросил Мефодий.

Улита рассмеялась, покосившись на смутившуюся старуху, которая от неожиданности даже ковшик с медовухой уронила.

– И, милбй, кто ж из Тартара-то добро обратно носит? У нас же не госконтора, чтоб чело-вечки туды-сюды бегали. Ужо принес – так ложь куды положится и за другим грузом ташшись. Ладно, сладкие мои, засиделась я с вами чегой-то... Народец у меня на белом свете зажился! – торопливо зашамкала Аида Плаховна.

Видно, избегая скользкой темы, она сняла с плеча грязный рюкзак и вывалила на стол Улите целую кипу засаленных пергаментов.

Ведьма поморщилась, когда пергаменты раскатились по столу. Многие из них были в бурых высохших пятнах, другие покрывала свежая слизь.

¹ Одна только смерть показывает, как ничтожно человеческое тело (лат.)Ювенал, «Сатиры», X.

– Вот тут, гробики мои осиновые, накладные на самоубийц, а тут те, кто эйдосы при жизни заложил, значить, да со сроками маленько просчитался... А атеистов, кощунов и прочих умствующих я, того... как договаривались с Лигулом, отдельной фактуркой... Разберетесь, миляги? А не разберетесь, так туточки полный перечень. Могилка в могилку!.. – зачастила Мамзелькина.

Проверяя, не осталось ли чего в рюкзаке, Аида Плаховна решительно встряхнула его. На стол выпал зацепившийся пергамент.

– А это кто? – спросила Улита.

– А это ишь... самоубийца одна. Наглоталась, бедняга, снотворного. Попугать мужика своего вздумала. Два раза глотала – откачивали. Проглотила в третий, а тут мужик ее на работе возьми и задержись... Диск с игрой ему кой-то принес! Как бы уж и не наши из канцелярии все это состыковали, – охотно пояснила Мамзелькина. – Осторожно с пергаментом, Улитушка, березка моя недопиленная! Туточки внизу эйдос подклеен, не затерялся бы. Потрудись-ка расписочку в получении! Эйдосы без расписки сдавать себе дороже. Потом не отчитаиши!

Улита неохотно написала расписку, вытащила из ящика штемпельную подушку и с омерзением стала шлепать, где надо, печати. Едва она закончила, как на экземпляре Мамзелькиной проступили кровавые буквы.

Сдано: Мамзелькина А.П.
старший менеджер некроотдела

Принято: ведьма Улита,
русский отдел Канцелярии мрака
секретарь-лаборант

Свидетель: Буслаев М.И.
ученик мрака

Мамзелькина еще не дочитала пергамент, когда буквы вдруг стали молочными и та часть записи, которая касалась «свидетеля Буслаева М.И.», испарилась.

Мефодий изумленно заморгал. Старуха сурово погрозила ему:

– Ой, знаю я, чьи это проделки! Это все эйдос твой непроданный буянит! Ничего, свидетеля-то я так, для кучи приплела. И без него сойдет, – проворчала старуха.

Аида Плаховна небрежно убрала расписку в рюкзак и, пошатываясь, взяла косу.

– Пошла я, ребяташки, покошу маненько. Уж и ноженьки не ходят, а ручки все трудятся. А ну как я совсем слягу – как же люди на земле умирать-то будут, сердечные? Бывай, Ули-тушка, бывай, сиротинушка!.. За Ареем-то присмотри, непросто ему. Страдает Арей, уж я-то чую. А все она, память проклятая!.. И ты, Мефа, здоров бывай! Тута, ведаю, в скорости такая каша заварится, что невесть как и расхлебаешь!

– Какая каша? – спросил Мефодий.

– И-и-и, милый, сразу видать – зеленый ты ишшо! Кто ж у смерти-то про будущее спрашивает!.. Коли я тебе отвечу, так мне ж тебя и чикнуть придется! Так что, интересуешься?

Мамзелькина взглянула на Мефа так остро, что тот даже попятился. В маленьких глазках Аиды Плаховны полыхала жаркая и пустая бездна.

– Нет, не надо! – поспешно сказал он.

– Ну как хочешь! Вольному воля, спасенному рай!.. Прощевай, ясноглазенький, да за эйдосом своим знай приглядывай. Эйдос-то, может, у тебя и не лучше прочих. Много я их переносила, каждому цену знаю... Да уж больно большие силы за ним, за эйдосом твоим, стоят, стоят... Туточки как в казино: порой семерка с восьмеркой так сцепятся, что туз и не суйся! Ясно тебе?

– Ясно.

Старуха ухмыльнулась.

– Люблю понятливых. Ты ведь понятливый?

– Да.

– Вот и славно. И за Дафной-то своей присматривай! Уж больно шустрая девка – как бы чего не вышло. Из-за нее не вышло. И... с ней не вышло... Понял меня?

В словах старухи Мефодию почудился намек – очень ясный намек. Но насколько к ближайшему будущему относилось ее пророчество – этого он не ведал. Чувствовалось Буслаеву, что здесь не так все просто. Ох, как непросто!

Аида Плаховна вышла, волоча ноги. Снаружи донесся ее сухой, деловитый кашель, и почти сразу где-то на соседней улице истошно завывла сирена реанимации. Были ли связаны эти события, Мефодий не знал. Хотя не удивился бы, узнав, что старуха начала свою работу, еще находясь здесь. Настоящие профи некроотдела не отрываются от производства ни на миг. Их коса взмывает и падает по десять раз за минуту.

* * *

После ухода трудолюбивой старушки Мефодий и Улита остались в приемной вдвоем. Улита, на которую свалилась куча пергаментов Мамзелькиной, требующих сортировки, снова была не в духе. После суккубов и комиссионеров она, по ее собственному выражению, долго восстанавливала в душе кислотно-щелочной баланс. К тому же вечером ей предстояло очередное свидание и требовалось наскрести на стенках и собрать в кучку хоть немного хороших эмоций.

Не желая, как губка, втягивать ее черное настроение, Мефодий от нечего делать отправился в соседнюю с приемной комнату. Это был тесный и мрачный закуток у лестницы, в котором из мебели обретался единственный диван, такой дряхлый, что Мефодий не удивился бы, узнав, что на нем спал сам Ной в своем ковчеге.

В темноте что-то заскрежетало, точно в замке повернулся ключ, и хриплый голос произнес:

– Старый грешник Протагор говорил: «Человек есть мера всем вещам: существованию существующих и несуществованию несуществующих». Этим он хотел сказать: «Если человек верит в богов, то они есть, если не верит, то их нет».

– Кто здесь? Я спрашиваю: кто здесь? – нервно спросил Мефодий.

Ответа он не получил, но захлопали крылья, и Буслаев понял, что с ним говорил древний вещий ворон Арея. Ворон был так стар, что перья у него местами облезли и проглядывала серо-розовая кожа. Порой Мефодия удивляло, что ворон еще жив. Ни Арей, ни Улита никогда не кормили его и вообще крайне редко вспоминали о его существовании. Однако Мефодий знал точно, что ворон был с ними еще на маяке.

Глаза постепенно привыкали к полумраку. Мефодий увидел, что дверца клетки распахнута. Ворон сидел на спинке дивана и искоса поглядывал по сторонам.

– Может, тебе хоть воды налить? – предложил Буслаев.

Ворон равнодушно нахохлился. Мефодий не знал, понимает ли птица человеческую речь или бессмысленно повторяет услышанные когда-то давно фразы. Он сел и в полутьме, слыша, как шевелится в сумраке большая птица, просидел около получаса, думая о чем-то неопределенном. Вначале в мыслях его была Ирка, с которой он поступил довольно скверно, давно не навещая ее, а затем ее окончательно вытеснила Даф со своими огромными белыми крыльями.

Когда же Мефодий собрался вновь выйти в приемную, ворон вдруг клюнул спинку дивана и произнес:

– *В ткань веков вплетена эта притча. Была она стражем, и набросила она ему на шею шнурок с крыльями, не ведая, что предстоит ей полюбить его и разделить с ним бессмертие.*

Не ведала она и того, что лопуховидный мир начнет притягивать ее, чтобы некогда в бесконечности соединить сердца и судьбы. Так пусть же флейта играет!

Мефодий быстро шагнул к ворону.

– О чем ты? О Даф? Что это значит? – нервно спросил он.

Но птица уже вновь замолчала и лишь равнодушно прохаживалась по спинке дивана. Из прошлого ли эта притча или из будущего, ткань которого еще не соткалась, понять было невозможно. Промучившись с вороном еще минут десять, Мефодий все же добился от него очередной фразы:

– *Он сказал: Зюль-карнейн! Гог и Магог причиняют беды на этой земле; не представить ли нам какую плату тебе за то, чтобы ты поставил стену между нами и ними?* – хрипло произнесла птица, окончательно сбив Мефодия с толку.

Буслаев сердито повернулся и вышел. Он ожидал, что в приемной будет одна Улита, но за время его отсутствия там появились Дафна и вернувшийся зачем-то Тухломон, уже успевший забыть, что схлопотал печатью по носу. «Странно, что я не слышал, как они вошли, – подумал Мефодий, оглядываясь на каморку. – Интересно, слышала Даф, как я допытывался у ворона про нее, или нет? Хотя, пожалуй, нет».

Даф сняла с кота комбинезон, оставив один ошейник, и теперь голый и страшный Депресняк летал по приемной, разминая крылья. Изредка он повисал на тяжелых бархатных шторах или с яростным мяуканьем вцеплялся своими острыми, как бритвы, когтями в одну из шпионящих картин. Улита, сама любившая на досуге пострелять по картинам из пистолета или попрактиковаться в метании кинжала, относилась к этому вандализму с умеренной доброжелательностью.

Тухломон вился вокруг Даф и однообразно ныл, умоляя ее уступить ему свои крылья. Лицо комиссионера гнулось в разные стороны и в минуту меняло сотни слащавых выражений. Лысоватая макушка поблескивала. Подстриженные височки выглядели очень уместно. Весь он был такой неприятненький, точно потными ладошками вылепленный.

– Я ж не насовсем крылышки-то! Я ж подержать! Ну, поэзия! Ну ангелочек мой!.. Что тебе стоит порадовать старого больного мушкетерку? Ну умоляю! Ясновельможная панна! Будьте такая добренькая! Света жажду! Устал я от мрака, бедный старикашечка! Лобызаю края одежд! Чмок-чмок-чмок! Тьфу, нитка в зубах застряла! Не дай погибнуть страждущему! – повторял он, ползая вокруг нее на коленях.

Даф качала головой. Она отлично представляла, что бывает с теми стражами света, которые по доброй воле одалживают свои крылья комиссионерам.

– В Эдем хочу! В райском хоре петь, яблочки познания трескать и косточки выплевывать! Дай хоть понять, какой свет бывает, а? Я ж к свету рвусь!!! Ну зязя-поэзия!

– Отстань! Перестань глумиться! – вскипела Даф.

– Слышь, светлая! Он так вовек не отстанет! Ты коленкой, коленкой ему в нос дай! – посоветовала Улита, которой надоело слушать нытье Тухломона.

Услышав совет, комиссионер услужливо принялся подставлять Даф свой нос.

– Прошу тебя, солнце мое, не стесняйся! И коленочкой, и ножкой, и волосики можно вырвать, и пальчики оттоптать! А ежели из автомата в меня пострелять желаешь, я и автомат принесу!.. Все для ясновельможной панны!.. Только крылья дай, а? Дядя Тухломончик такой бедненький, такой несчастненький! Ему грех отказать, большой грех! Тухломончику отказать – все равно как сиротку ломом вдарить! – засюсюкал он, умильно надувая щеки.

Поняв, что иначе от него не отделаться, Дафна решительно потянулась к флейте. Заметив это, комиссионер стал быстро отползать. Смятого носа он не боялся, равно как и прочих повреждений, а вот с флейтой стража света шутки были плохи. Одна-единственная маголодия могла превратить его в лужу вонючего пластилина.

– Все-все, дядя Тухломончик уходит! Только музыки, умоляю, не надо! У меня барабанные перепонки слабые! Я нонче не танцую! – заскулил он, на четвереньках забегая за спину Мефодия и прикрываясь им.

Мефодий поздоровался с Даф. Та сухо ответила, глядя в сторону. Буслаеву уже пару недель казалось, что Дафна его старательно избегает. А если она все же заговаривает с ним, то быстро заводится и начинает спорить по пустякам. Мефодий не мог найти этому объяснений. Он был уверен, что не обижал Даф. Хотя, с другой стороны, не исключено, что и ляпнул что-то неосторожное. С этими девчонками всегда так. Вечно обижаются на какую-нибудь фразу, которой ты сам и не помнишь. «Я так говорил?» – «Говорил». – «А когда?»

– Депресняк! – сказала Дафна, с тревогой посмотрев на кота, который, качаясь на занавесках, задумчиво разглядывал Мефодия. – Я предупреждаю! Если ты, как в прошлый раз, позволишь господину Буслаеву тебя погладить и при этом не вцепишься ему в физиономию, мне придется помыть тебя с хлоркой. Причем как снаружи, так и изнутри.

Тухломон надул щеки и, одновременно хлопнув по ним обеими руками – получился звук «пуф!» – подобострастно захихикал, оценив размах фантазии стража света.

– Мне твой кот не нужен! – обиженно произнес Мефодий.

– Прекрасно. Потому что насчет хлорки я говорила всерьез. Не хочу, чтобы на моем коте были твои микробы, – сказала Даф.

– Ах, какое воображение! Дядя Тухломончик весь в плезире с ног до головы! Если ты захочешь воплотить свои грезы, светлая, Тухломончик с удовольствием заберется в стиральную машинку, чтобы ты нажала кнопку! А хлорку можно насыпать мне в ушки-с! И даже туфелькой можно отшлепать! Насчет оплаты договоримся! Кроме твоих крылышек, мне ничего и не надо! – восторженно заблеял комиссионер.

Даф посмотрела на него с омерзением. Тем временем Тухломон, вскочив на ноги, уже прыгал вокруг Мефодия, точно сбежавший из зоопарка бабуин.

– Мое очередное почтение грядущему повелителю! Не надумали ножки об меня вытереть? Или кулачком в лобик? Он у меня мяконецкий, не ушибете кулачок! Или в щечку. Я щечку надуоу-с!

– Отстань! – сказал Мефодий.

Тухломон ничуть не обиделся.

– Ну нет – так нет. Одному хорошему человеку другого хорошего человека побить никогда не поздно. А я ведь, признаться, с дельцем пожаловал. К Арею и ко всем вам-с. Я только что от Лигула. Буквально в минуту смотался: одна ножка туточки, другая уже тамочки. Со скоростью света спешил!

– Считаю, что я уже упала в обморок от счастья! Дальше что? – проворчала Улита.

– Как – дальше что? Я от Лигула! – широко открывая глаза в картинном недоумении, повторил Тухломон.

– Я это уже слышала. Чего надо от нас горбуну? – сказала ведьма.

Тухломон посмотрел на нее с глумливым укором.

– Какой же он горбун-с? Да, росточку оне маленького, сутуловаты немножко, не без этого. Да разве хорошо этим попрекать? Разве нравственно-с? А где сердечная доброта-с, где терпение-с? Ай-ай-ай! Придется мне Лигулу сказать, как вы его здесь оценили! Ой, придется!

– Донести, значит? – ледяным голосом уточнила Даф.

– Какие слова нехорошие говорите, девушка! Донести, фи! Не донести, а проинформировать во имя торжества закона-с и порядка-с! – обидчиво поправил комиссионер.

– Тухломоша, рыбонька моя дохлая, выруби звук! А то ведь шерстяной носок заставлю проглотить! Ты меня знаешь! – поморщилась Улита.

– Не поможет. Я носков, ить, много переглотал-с на своем веку! Фантазия нынче у всех богатая! Вот и Даф, страж наш ненаглядный, Мефочку, повелителя мрака, котиком поцарапать

хочет! А котику хлорочки в глазки засыпать! А тут какой-то носок! Моль вот ест же и не давится! – отмахнулся комиссионер.

– Так, значит, ел носки? И как, вкусно? – с любопытством спросила Даф.

– Невкусно, но потреть можно-с! – охотно отозвался комиссионер. – А теперь главное. Цель визита, так сказать. Я должен передать приглашение! Лигул зовет Арея, Мефодия и Улиту в Англию-с. К главе британского отдела мрака Вильгельму Завоевателю. Вильгельм собирает своих на междусобойчик по случаю годовщины норманнского нашествия. Будут самые что ни есть наилучшие тузы!

– Когда надо ехать?

– Завтра-с.

– А меня, конечно, не зовут? – насмешливо спросила Даф.

Тухломон передернул плечами, всем своим видом выразив сожаление.

– Не положено, хорошая моя. Там мрак собирается, а ты хоть беглый, а все же свет-с! Непорядок! Вот если бы ты мне крылышки отдала – тогда без проблем, хоть сию секунду! Отдашь, а?

Дафна молча потянулась к флейте, заставив комиссионера мгновенно свернуть агитацию.

– Ясно. Когда надо быть? – спросила Улита.

– Завтра в полночь. Арею сама приглашение передашь, сладкая моя, или соизволишь меня пиночком к нему сопроводить? Под самые под огненные очи-с? – ехидненько поинтересовался Тухломон.

– Сама. Только тебя там не хватало. Стой здесь и жди.

Улита скрылась в кабинете, прикрыв за собой дверь. Через пару минут из кабинета вышел Арей и остановился посреди приемной – тучный, сопящий. Глубокий шрам расчерчивал его смуглое лицо, разделяя его на две неравные половины.

– С каких это пор Лигул, чтобы позвать нас к Вильгельму, посылает Тухломона? У Вильгельма что, курьеров нет? – спросил Арей недовольно.

– Так уж случилось. Они вдвоем позвали. Сообща-с. Когда я прибыл, Вильгельм был у Лигула в гостях. Сидели, в лаве парились. Хотели курьера послать, но я вызвался. Курьеры, думаю, тоже духи подневольные! Их надобно жалеть по доброте сердечной, – кланяясь, ответил Тухломон.

Говорил он приниженно и льстиво, однако его зоркие мигающие глазки буквально впились в переносицу Арея: так и ловили любую неосторожность. Мечник протянул руку и, взяв Тухломона за пластилиновое ухо, подтянул к себе. Не поднимись Тухломон на цыпочки, его ухо осталось бы у Арея в пальцах.

– Это ты-то жалеешь? Ой, не ври! Небось вынюхиваешь для Лигула? Хочешь и тут и там – везде успеть? – брезгливо спросил Арей.

– Вот уж нет-с! – оскорбился Тухломон. – Я к вам всей душой-с... Ай! За что?

– Пергаменты сдал, штамп получил, пребывание продлил? Вот и славно. Теперь топай отсюда!.. Улита, меч!

– Зачем меч? Не надо меча! Как я понимаю, это такой изящный намек-с, что мне пора уходить? Дядя Тухломон как раз собирался сказать, что он очень спешит!.. Лигулу-то передать чего? Нет? Ну и не надо, не надо! Я просто так спросил... – засуетился комиссионер.

Трусливо озираясь, Тухломон поспешно потащился к дверям, на ходу подклеивая надорванное ухо.

– Стоять! – неожиданно приказал ему Арей.

Комиссионер остановился, тревожно переступая на ломких пластилиновых ножках.

– Повернись!

Тухломон грустно повернулся.

– Комиссионер, вспомни: Лигул говорил тебе о шкатулках? Только прежде чем сейчас соврать, подумай, стоит ли эта ложь того, чтобы стать твоей последней ложью, – угрожающе произнес Арей.

Тухломону явно стало не по себе. Он неторопливо достал красный в горошек платок, развернул его и промокнул платком свой лоб тем деловитым движением, которым хозяйка сметает крошки с кухонного стола.

– Э-э... ну... Было что-то такое. Краем уха-с, – невнятно промямлил комиссионер.

– Умница! Если бы ты соврал – отправился бы в Тартар. Я в силах сделать так, чтобы ты десять веков не смог вселиться ни в одно самое жалкое пластилиновое тело. И никакой Лигул мне не помешает.

– Это я знаю-с. Вы можете-с, – уныло кивнул Тухломон.

– Отлично. Если ты такой многознающий, тогда еще вопрос: шкатулку уже нашли? У кого она?

Тухломон верноподданнически выпучил глазки.

– Не могу знать-с! Сие тайна, покрытая мраком-с!

– В самом деле? Какая досада! Улита, так ты несешь меч?

Тухломон задрожал. Он уже сообразил, что, сказав «А», придется сказать и «Б». Иначе в промежутке запросто можно оказаться в Тартаре навечно.

– Не надо-с меча! Я вспомнил-с. Всего шкатулок, в которых *это* может оказаться, две. Шкатулки – точные близнецы-с. Первая у лопухоида по имени Антон Огурцов. Это наши уже разнюхали.

– Лопухоид догадывается, что в ней?

– Как можно? Лопухоиды – оне совсем дураки-с. Откуда ему знать о потайном дне? – хихикнул Тухломон.

Арей чуть наклонил голову и негромко повторил «Антон Огурцов». В лице у него ничего не изменилось. Мефодий готов был поклясться, что, едва услышав имя, он уже знал об этом лопухоиде все. От первого крика до последнего вздоха.

– А у кого вторая? – быстро спросил Арей.

– Со второй шкатулкой сложнее-с. Она постоянно меняет местоположение в лопухоидном мире. Наши совсем с ног сбились! Лучше, если тайник окажется в шкатулке Огурцова! – заявил комиссионер.

Арей пытливо и страшно посмотрел на него.

– Не врешь?

– Нет. То есть вообще случается, вру-с. Не без этого. Но сейчас – нет-с, – затрясся Тухломон.

Мечник мрака поощрительно похлопал его по щеке.

– Умница! Надеюсь, ты не забудешь, что содержимое шкатулки нужно принести не Лигулу, а мне в руки? Не так ли?

Тухломон в тревоге завозился. Он был в панике, как таракан, случайно забравшийся в ружейный ствол и услышавший сухой щелчок затвора. Должно быть, у него существовали на этот счет другие инструкции.

– Ну да, но, вообще-то, я обещал-с... – забормотал он.

– Хвалю за сознательность. И учти, если *это* окажется у Лигула – вследствие роковых случайностей, например, я **ОЧЕНЬ** обижусь. Ты понял?

Тухломон затравленно поклонился и пообещал лично всем заняться.

– Других и не допущу! Можете не сомневаться! – сказал он с сожалением.

– Вот и молодец! Проваливай! – брезгливо приказал Арей.

Комиссионер подпрыгнул и телепортировал, оставив после себя небольшое облачко вони.

– Он донесет. Напрасно вы с ним так. Мне кажется, Тухломон вас боится и ненавидит, – проговорила Даф.

Арей серьезно посмотрел на нее.

– Донесет?

– Донесет. Если уже не побежал доносить. Разве вы не знаете? – удивилась Дафна.

– Знаю. Он донесет в любом случае. И на меня, и на тебя, и на Мефа, и на Улиту. И на себя бы донес, будь в этом хоть какая-то выгода. Ему все равно, что и кого предавать, поскольку он предал уже все на свете.

– Тогда как же быть?

– А никак. С этой публикой церемониться нельзя. Для таких, как он, существует только одна узда: кулак, который может смять его пластилиновую голову. В конечном счете, даже призрак Безликого Кводнона не смог бы рассчитывать на его верность, – с презрением сказал Арей.

– Безликий Кводнон? Кто это? – наивно спросил Мефодий.

Едва в просторном зале прозвучало это имя – Безликий Кводнон, что-то изменилось. Зазвенело стекло. Со стола дождем посыпались пергаменты. Потусторонний ветер коснулся лиц, запорошив глаза прахом. Мефодий ощутил волны опасности и смерти. Они были так осязаемы, что почти стали материальными. Улита затихла и съежилась. Депресняк перестал истошно мяукать, раскачиваясь на групповом портрете тузов мрака. Страх, повисший в воздухе, был так упруг, что Мефодий заблокировал восприятие, стараясь не вбирать его энергии. Что-то подсказало ему, что таким образом легко лишиться своей сущности, эйдоса, а в конечном счете, и жизни.

– Проклятие! – сказал Арей, захлопывая распахнувшееся окно, за которым пузырилась строительная сетка.

– Это потому, что *он* произнес это имя! Он, Буслаев! – прохрипела Улита. Она стала белой как мел. Мефодий не видел ее такой, даже когда Лигул бесновался здесь, угрожая отправить ведьму в Тартар.

– Безли... – снова начал зачем-то Мефодий.

Арей подскочил и, жесткой рукой зажав ему рот, тяжело задышал сквозь разрубленный нос.

– Молчи! Ни слова больше! Я сожалею, что вообще упомянул о... о нем...

– Почему? – спросил Меф, едва Арей убрал ладонь.

– Когда-нибудь ты сам разберешься. Пока же запомни: любое произнесенное слово овеществляется. Нельзя не услышать своего истинного имени, даже если оно сказано шепотом. При условии, конечно, что ты достиг откровения. Ты услышишь свое имя везде, даже если его прошепчет упырь, похороненный в тундре на трехметровой глубине. Услышишь – и воспримешь как вызов или как просьбу о помощи. Особенно когда его произносит тот, кто наделен силой, которую не умеет контролировать. Теперь сообразил?

Мефодий неопределенно пошевелил пальцами, что можно было расценить и как «да», и как «нет». Ему не очень хотелось, чтобы Арей вновь зажал ему рот своей жесткой ладонью.

– Теперь о делах... Завтра мы, думаю, все же навестим Вильгельма. Надо понять, что нужно ему и Лигулу. Грех игнорировать столь любезное приглашение, особенно переданное через такого расторопного посыльного, как наш Тухломон... Мефодий и Даф, я вас не задерживаю! Помните о делах, если таковые у вас имеются! Если же дел нет – брысь в питомник к Глумовичу запастись просроченными сведениями из области физики, биологии и прочих неточных наук. Улита, а ты останься!.. Здесь нужно навести порядок и разобраться с пергаментами!

Арей повернулся и вразвалку направился в кабинет. Глядя ему вслед, Мефодий неосторожно подумал, что трудно поверить, что перед ним лучший мечник мрака. Сейчас его шеф

больше походил на растолстевшего борца или боксера, которому кресло и хорошая кружка пива давно милее спортивного прошлого. Подумал и тотчас пожалел об этом, потому что Арей вдруг обернулся, а в следующий миг Мефодий ощутил, что шею ему щекочет острое кинжала.

– Вывод первый, – услышал Буслаев его голос. – Людям и тем более *нелюдям* опасно смотреть в затылок. То, что происходит у нас за спиной, мы зачастую видим лучше, чем то, что творится у нас перед глазами. Никакого напряжения, никаких лишних мыслей и тем более роковых пижонских взглядов. Оставь их трагикам из погорелого театра. Усек, синьор-помидор? Отвечай только «да» или «нет».

– Д-да, – выговорил Мефодий, ощущая, как колет его шею острое жало.

– Вывод второй, косвенно вытекающий из первого. Если хочешь что-то от кого-то спрятать, положи это у него перед носом. И это усек?

– Да.

– И, наконец, вывод третий: не думай плохо о тех, на кого работаешь. Это не только опасно, но и дискомфортно. Двумишье не поощряется даже Лигулом, который сам же его и придумал. Ясно?

– У матросов нет вопросов, – сказал Мефодий, следя зрачком за запястьем Арея.

– Вот и умница, синьор помидор, – одобрил Арей. – Я давно заметил: лопухойды соображают гораздо быстрее, когда угрожаешь им клинком или просто любым тяжелым предметом. Это отлично прочищает самые затуманенные мозги.

– Ничего подобного! Это только унижает человека! – возразила Даф, вырастая рядом с ними.

– Человека нельзя унижить. Он унижен по природе своей. За тысячи лет ничего не изменилось. Человечество как было обезьяньим стадом, так им и осталось, – жестко сказал Арей.

– Человек не происходил от обезьяны. И уж вы-то отлично это знаете. Я училась в школе, когда в лопухойдном мире стражи мрака запускали эту утку. Разве не так? – проговорила Дафна.

Арей поморщился, показывая, что дело тут не в банальном знании.

– Так и быть, согласен, не происходил... Мнится мне, это обезьяны произошли от лучшей части человечества. Гориллы – от спортсменов, политики – от бабуинов, а макаки – от интеллектуальной элиты. Нужны доказательства? Запросто! В мире лопухойдов, синьор помидор, есть только одно право – право сильного. Слабых духом (их-то в первую очередь) топчут и забивают ногами – морально, а зачастую и буквально. Кроме права силы, других прав почему-то не придумали.

– Вы забыли еще одно человеческое право. Право прощать и творить добро, несмотря ни на что, – упрямо сказала Дафна.

Мефодий смотрел на нее с изумлением. Он и не подозревал в своем хрупком светлом страже такой внутренней силы. И Арей, пожалуй, тоже. Потому что он вдруг успокоился, перестал горячиться и примирительно произнес:

– Ну-ну, крошка! Сворачивай светлую агитацию, а то я могу подумать что-нибудь не то!.. Хотя нет, если угодно, продолжай в том же духе. Только рано или поздно найдешь у себя в шее вилку, к зубцам которой будет прищиплена недоеденная сосиска со следами зубов твоего лучшего друга... Человеколюбие, увы, наказуемо.

В голосе Арея не было и тени юмора. Он спрятал кинжал, легко оттолкнул Мефодия и ушел. Дверь кабинета закрылась. Улита подошла и, осмотрев шею Мефодия, пошептала на неглубокий порез.

– Не обижайся на него! На Арея порой находит... Часто на маяке он молчал целыми неделями, а затем начинал вдруг зло шутить и смеяться сразу над мраком и светом. В такие минуты лучше всего спокойно промолчать. Потом его отпускает и он снова прежний... – негромко сказала Улита.

– Почему так? Расскажешь? – попросил Меф.

Если бы эта просьба была высказана Даф, ответом стало бы решительное «нет». Но здесь Улита заколебалась. К Мефодию она относилась неплохо. Покосившись на кабинет, она щелчком пальцев поставила круговой защитный экран от подслушивания. Лицо горбуна Лигула на групповом портрете тузов мрака обиженно вытянулось. Одновременно на соседнем пейзаже с видом смиренного кладбища в духе Жуковского разочарованно зашевелилось крайнее из надгробий. Даже Арей из кабинета – и тот едва ли смог бы «просветить» магический барьер, хотя вряд ли это входило в его планы.

– Я думаю, все потому, что мраку нельзя служить наполовину. Мрак сам же и наказывает своих слуг, отнимая, с кровью вырывая у них самое дорогое. Возьми любого из нас. Все мы или несчастны, без эйдоса, с зияющей раной в груди, которая никогда не зарастет, или надутые самовлюбленные болваны (завтра ты, Мефодий, их увидишь), или вообще натуральные уроды, как Лигул. Убежденных же сторонников мрака реально мало, хотя есть, конечно...

– А зачем же тогда служат остальные? – удивился Мефодий.

– Ну, милый мой, ты и скажешь тоже!.. Попасть на сторону мрака очень просто: всего один раз неосторожно оступился на склоне и... бесконечно скатываешься вниз. Хотя порой весело скатываешься, со вкусом, с этим не поспоришь...

Двадцатилетняя ведьма фыркнула, вспомнив о чем-то. Возможно, об очередном свидании, казино или кабаке, который она собиралась разнести в ближайшее время. Долго удерживать накал мысли было не в ее привычках. Улита так же быстро потухала, как и загоралась.

– Хотя, с другой стороны, я с трудом представляю себе Арея среди стражей света. Не правда ли, Даф? У тебя как с воображением? – спросила Улита.

Даф задумалась и попыталась ответить честно:

– Каменным грифонам Арей бы не понравился, что да, то да... Хотя среди нас, например, полно зануд. Занудство и ханжество – главные неприятные черты света. Или, точнее, главные наши искушения.

– Слушай, Улита, а кто такой Безликий?.. Ну ты поняла, о ком я? – шепотом спросил Мефодий.

– Все еще упрямишься? Ладно, думаю, тебе все же стоит сказать, хотя Арей и против. В конце концов, ты ведь мог узнать это и из Книги Хамелеонов? Если бы не был таким лентяем? – намекающе подмигнула ему ведьма.

– Угу! – согласился Мефодий, удивляясь, как мысль про книгу не пришла ему раньше.

– Кводнон – только умоляю, Меф, сам не повторяй, у тебя какой-то язык черный – истинный хозяин мрака. Его единственный повелитель. Безликий Кводнон – второе и истинное лицо Двуликого Кводнона. Усек?

Мефодий замотал головой, переваривая информацию.

– Безликий – истинное лицо Двуликого? Теперь я еще больше запутался.

– Я так почему-то и думала. Лопухоидам всегда долго приходится объяснять элементарные вещи. А вот джинны, скажем, понимают такие тонкости сразу. Им скажешь: «Слышь, друг, был Двуликий Кводнон, а теперь он Безликий Кводнон. Так что ты заруби себе на тумане, приятель, когда мы говорим просто „Кводнон“, мы подразумеваем прежнего Кводнона в его административном качестве, когда говорим „Двуликий“ – подразумеваем собирательную сущность Кводнона, когда же говорим „Безликий“ – говорим о нынешнем».

– Тпрр-ру, приехали! Я тоже не понимаю. Кводнона же поразили наши златокрылые? Во время решающего сражения? Разве не так? – удивилась Даф. – У нас в Эдеме даже ежегодный праздник есть!

Улита посмотрела на нее с насмешкой.

– Ну вы у нас народец веселый! Отчего бы вам не повеселиться?.. На дудочках не поиграть? Особенно если повод есть.

– Шути-шути. Все равно не понимаю: Безликий, Двуликий, просто Кводнон... Сколько же их?

– Число юных вундеркиндов стремительно увеличивается. На самом деле Кводнон один, разумеется. Милочка, златокрылые уничтожили тело Кводнона, тем самым превратив Двуликого Кводнона в Безликого. Более того, златокрылые сумели сделать так, что Кводнон никогда не сможет воплотиться. Ни в одном из существующих тел, даже в комиссионерском. Во всяком случае, так считается. Но в том, что златокрылые сумели уничтожить бессмертную сущность Кводнона, многие у нас сомневаются. И знаешь почему? *Потому что они ее не уничтожили!*

– А я думал, Лигул – сейчас повелитель мрака и меня прочат на его место, – задумчиво произнес Мефодий.

Улита прыснула.

– Кого, кого на место Лигула? Тебя? Так бы он и подвинулся, чтобы тебя пропустить. Нет, Лигул сам по себе, а ты сам по себе.

– Ты уверена?

– Кто такой, если разобраться, Лигул? Обычный управляющий! Прыщ на теле мрака! Выскочка, глава Канцелярии, которая учитывает скверные поступки лопухоидов и их эйдосы. Какие-то эйдосы идут в наши дархи, но лишь некоторая часть. Максимум одна треть. Куда, как ты думаешь, попадают остальные? Хоть бы, скажем, тот эйдос незадачливой самоубийцы, который недавно принесла Мамзелькина? Думаешь, он достанется Лигулу? Ему перепадает лишь крохи с барского стола!

– А кому тогда он пойдет?

– Вот тут-то опять и всплывает Безликий Кводнон, его дух, его подлинная теневая сторона, о которой никто ничего не знает... Этот эйдос вместе со множеством других будет брошен в темный сосуд, который стоит в центре Тартара, на трехногой подставке со львиными лапами.

– Зачем?

– О, тут множество версий. Даже Арей едва ли знает их все. Самая распространенная: это нужно для Кводнона, который самим фактом своего существования подпитывает мрак. Сосуд на львиных лапах особый. Даже не артефакт, а первоартефакт. Уже много столетий в него ежедневно сбрасываются сотни эйдосов и исписанные пергаменты с деяниями смертных. И до сих пор, заметь, сосуд не наполнился. Причем украсть что-либо из сосуда невозможно по определению. Он признает только одного хозяина, которого никто давно уже не видел.

– Кво...

– Тшш!

Улита посмотрела на Буслаева с многострадальным терпением мамочки, которая объясняет годовалому ребенку, что нельзя тыкать вилкой папочке в глазик. «Ай-ай-ай! Папочке будет бо-бо!»

– Возможно. Кводнон в той же мере существует, в какой его не существует, да не смутит тебя этот парадокс. Лопухоид всегда узнает о существовании Кводнона в самый последний момент, когда коса Мамзелькиной уже опустилась. Кто-то же, в конце концов, составляет нашим «менагерам» списки... хм... уборки урожая. И, уж можешь мне поверить, это не Лигул. Иначе я давно была бы в них занесена.

Мефодий ощутил вдруг, как у него запульсировали, заныли и заболели волосы. Это было странное ощущение, почти предупреждение, возникшее как раз в момент, когда он захотел задать Улите один вопрос. Но он его все же задал. Просто потому, что он был Мефодий Буслаев. Упрямый, как пень, на котором посидел Эдя Хаврон.

– Слушай, если есть К... тогда зачем Арей то ли в шутку, то ли всерьез назвал меня повелителем мрака? Или К... собирается передать мне свою власть?

Улита подула на свою длинную челку.

– Пуф... Ну и вопросыки ты, извиняюсь, задаешь! Сама до конца не знаю, как тут и чего, но, думаю, власть Кводнона теперь другого рода. Кводнон сейчас – дух, а власть духа всегда скорее идейная, нежели реальная. Повелитель мрака в теперешнем его понимании – это... с чем бы сравнить... ну как король. Только сразу предупреждаю: не обольщайся. Да, у короля есть власть и сила. Он может казнить, а может помиловать. Может объявить войну или заключить мир. Все, казалось бы, тип-топ. Но смотри: короля можно свергнуть, отравить, казнить, поразить в битве, или, наконец, он может умереть сам. А дальше обычная история: «Король умер... Да здравствует король!» Есть такое дело?

Мефодий неохотно кивнул. Улита сочувственно посмотрела на него и продолжила:

– Вот и Кводнон – старый, телесный Кводнон, не нынешний, Безликий, – некогда слетел с копыт в битве со светом, и теперь тебя осторожненько, культурненько так примеряют на его трон, чтобы еще раз с твоей помощью попытаться дать в табло свету. Не будет тебя, рано или поздно родится другой Буслаев. Двудиким же Кводноном и тем паче Безликим стать нельзя. Он неповторим. Он существовал изначально. Он древнее, чем этот мир.

– Путаная организация этот ваш мрак, – покачав головой, сказала Дафна.

– И не говори, светлая. Просто жуть, какая путаная. С другой стороны, мне она понятнее, чем тот же Эдем, – согласилась Улита.

Арей за дверью гулко кашлянул и ударил кулаком по столу. Улита заспешила.

– Ну все, прием окончен! Шеф не в духе! Даф, Меф, забирайте вашу адскую кису – вон она от мраморного стола угол отгрызла! – и марш к Глумовичу в школу доводить бедолагу до инфаркта! Мефодий, завтра к полуночи ты будешь нужен. Намотай это себе на склероз! – заявила она.

Глава 3

Министр золотухи, король Аспирина

В бесконечном человеческом потоке, что ползет по самодвижущимся лестницам метро весь день и значительную часть ночи, мелькают тысячи женских лиц. Они проплывают и теряются в пахнущих резиной далях подземки и извилистых подуличных переходах. Их пестрая армия включает в себя батальоны трудоголичек и полки загнанных домохозяек, отделения утешительниц и артдивизионы стержочек, тыловые подразделения офисных пленниц, кавалерийские сотни искательниц приключений, дикие дивизии истеричек, маршевые роты синих чулок, стратегические резервы бывших жен, анархические отряды добродушных забывах с собачьей шерстью на юбках и, наконец, снабженные новейшим слезоточивым оружием разведзводы несчастнейших.

Однако не следует думать, что приведенной выше робкой классификацией можно охватить всех юбконосящих. Некоторые вообще ни в какую классификацию не лезут. То ли страдала, то ли шарнир, то ли губки трубочкой, ушки бобиком? И это еще ничего – легкий случай. Есть же и такие, о которых сам страж мрака не скажет, что они такое и что перед ним, а только почешет в затылке и отойдет.

Женщины – как вода. Они никогда не стоят на месте и часто перетекают из одного состояния в другое. Взять хотя бы эту или вон ту... Сегодня она синий чулок, завтра милая мымрочка, послезавтра загнанная хозяйка или офисная пленница. Кажется, все, конечная станция, брысь из вагона. Но не тут-то было. Женщина всегда способна на сюрпризы. Внезапно происходит чудо – и недавний синий чулок стартует стремительной ракетой. Там же, где недавно был пепел человека, вспыхивает птица-феникс.

Зозо Буслаева, мать Мефодия, относилась к распространившейся ныне категории «женщин-моторов». Главная их особенность в том, что вся их жизнь проходит в движении, суетливом и хаотичном. Час, проведенный на одном месте, для них равносителен году строгого заключения. А именно на одном месте Зозо и приходилось теперь проводить свои дни. С недавних пор она корпела на должности секретаря в фирме «Стройбат форева», занимающейся поставками строительной техники. Хозяйкой фирмы была Айседорка Котлеткина, жена генерала Котлеткина, через которую Хаврон и устроил сестру на работу. Впрочем, саму Айседорку Зозо видела лишь однажды. Причем ни Зозо Айседорке, ни Айседорка Зозо не понравились. Однако это ни на что не повлияло. В офисе Айседорка почти не бывала. Хозяин и директор, как известно многим, зачастую разные диагнозы.

Пять дней в неделю с десяти утра до шести вечера Зозо принимала и несла на подпись бумаги, в которых долбили отбойники, грохотали асфальтоукладчики, бряцали фиксирующие крепления для кранов, по-змеиному шипели распылители краски и утробно зудели пистолетные блэк энд деккеровские дрели. В свободное от дрелей время Зозо отвечала на телефонные звонки, вбивала в компьютер заявки на запасные части для кранов или грустно поливала цветы.

А рядом, за стеной, в большой комнате, оккупированной отделом продаж, ни на минуту не умолкая, повизгивал телефон. Марзматиически скрипел старый ябедник ксерокс. Оргалитовая стена, к которой он был прислонен, нервозно дрожала. По коридору крикливыми стайками проносились слюнобрызгающие менеджеры. В их перебранках царили какие-то крепезные цепи и строительные рукавицы.

Едва успевала пронестись стайка с рукавицами, происходило новое нашествие. Дверь распахивалась, кто-то заглядывал и кричал: «Цицина видела? Где этот даун?»

Зозо неопределенно и томно махала рукой в пространство, словно умоляя: отстаньте вы все от меня, ничего я не знаю. Только исчезала стайка линчевателей, устремившихся в погоню за дауном Цициным, в коридоре вновь начиналась кутерьма.

Зозо затыкала уши, чтобы не слышать жалобного скуления менеджеров, но с заткнутыми ушами невозможно было печатать на компьютере, и она волей-неволей отрывала от них ладони.

За дверью снова горячились. Там протаскивали по коридору Цицина, схваченного в буфете с поличным при попытке купить бутылку минеральной воды «Святой источник».

– О чем ты думал, когда в документации на снегоуборочник написал: «страна-получатель Египет»? – орала на него.

– Я не виноват! Мне перепутали заявки! – с достоинством возражал бархатный тенор.

– Но ты же не дебил! Ты же мог сообразить, что в Египте самый суровый мороз – плюс двадцать градусов!

– Я предупреждал зама Алекса Курилко, а он сказал: отстань! Я не могу работать, когда мне говорят «отстань»! У меня два высших образования! И отпустите немедленно мою руку! У вас потные пальцы! – отбивался тенор.

– Ага, сейчас! Шагай, давай! – говорили голоса и, судя по некоторым подозрительным звукам, подталкивали Цицина в спину.

Зозо хотелось завопить и, зажмурившись, двинуть кулаком по монитору. Она ощущала себя пленницей скучного канцелярского циклопа с заплывшими усами, которого ей ужасно хотелось ударить по голове оторванной от ксерокса крышкой.

Потягиваясь и распрямляя затекшую спину, она поглядывала в окно на ворон, с удовольствием купавшихся в завихрениях воздуха у их высотки, и улыбалась каким-то своим неясным, загадочным, но очень приятным мыслям. Но даже в эти мечтательные мгновения пальцы ее продолжали привычно бегать по клавиатуре, бетономешалки и рукава для сброса мусора прыгали в отведенные им графы, а степлер громко щелкал, впиваясь в бумаги.

Зозо было уныло. Хотелось личной жизни или на худой конец в отпуск. Но ни личной жизни, ни отпуска пока не светило. В офисе было жарко. Кондиционер не вытягивал местной глупости и скуки. Йог и очеркист Басевич куда-то сгинул. Перестал звонить и, видимо, бегать по утрам. Других адекватных кандидатур пока как-то не подворачивалось.

Пару недель назад на волне затянувшегося безрыбья Зозо вывесила объявление на сайте знакомств в Интернете, сопроводив его отсканированной фотографией десятилетней давности, где она в открытом платье нежно обнимала чью-то колли. Фотография казалась Зозо очень удачной. Правда, при сканировании и уменьшении пропало некое особое выражение в лице, добавлявшее привлекательности, да и Мефодия, который, по правде говоря, тоже был на снимке, пришлось аккуратненько отрезать в фотошопе. По мнению Зозо, он уменьшал ее шансы на личное счастье. Бледный, светловолосый ребенок с отрешенным взглядом, который к тому же выглядел слишком взрослым для своих трех тогдашних лет.

Вскоре, к радости Зозо, ей стали приходить письма. Некоторые она сразу отсеивала, другие придерживала в резерве, на третьи вяло отвечала, сомневаясь по ряду причин, стоит ли доводить дело до личной встречи. А потом пришло еще одно письмо, и Зозо нюхом ищейки поняла: *он*. Хотя письмо было само по себе довольно вялое и бесхарактерное, да и фамилия была какая-то овощная: Огурцов. Антон Огурцов.

* * *

Вы все еще, вслед за Кальдероном, убеждены, что жизнь есть сон? Неправда! Жизнь есть кошмар. Единственное утешение, что кошмар кратковременный. Бояться можно всего. Страх, или фобий, многие тысячи. Боязнь темноты называется эклуофобия, холода – фригофобия, одиночества – эремофобия, ужас быть погребенным заживо – тафофобия, откры-

тых пространств – агорафобия, дневного света – фенофобия, бородатых – погонофорофобия, бессонницы – клинофобия, утренних подъемов – стазифобия, грабителей – харпаксофобия, работы – эргасиофобия.

Ничуть не меньше, чем фобий, насчитывается маний. Самая безобидная состоит в ежеминутном мытье рук. Кроме маний и фобий, существует несколько дюжин «филий», не сулящих их обладателю ничего, кроме неприятностей, часто уголовных.

Среднего, ничем не примечательного лопухоида преследуют по статистике одна фобия и парочка маний. Редко кто может похвалиться бульшим. Однако такие уникальные экземпляры все же случаются. В Москве на улице Стромынке, в красивом элитном доме с башенками и круглыми окнами проживал некий индивидуум, которого преследовали абсолютно все существующие фобии и большая половина маний.

Антон Огурцов был личностью примечательной. У него были широкие плечи, пухлые щеки с наглым поросячьим румянцем и твердый породистый нос. Он сошел бы даже за красавца, если бы не вечное выражение затравленного ужаса в глазах и не сложенные бантиком обиженные губы.

Бывший студент-медик, вылетевший со второго курса, знал слишком много. Даже теперь, десять лет спустя, занимая средней величины пост в представительстве австрийской фирмы, производящей одноразовые салфетки, ватные палочки и бумажные полотенца, Огурцов страдал от множества своих знаний.

Недоучившийся медик видел опасности там, где другие их благополучно прохлопывали. Чего уж, кажется, милее, чем поковырять пальцем в носу? Ан нет, ахтунг! Чрезмерно увлекшись, легко пополнить собой, любимым, ряды клинических идиотов. Как? Запросто! Поджигая губы, вечно застывшие в ожидании беды, Огурцов объяснил бы вам, что, извлекая из носа присохшую козявочку, легко занести через капилляры инфекцию, которая в свою очередь вызовет закупорку сосудов головного мозга.

«И это еще только начало!» – воскликнул бы Огурцов и, закатывая измученные глаза с базедовой поволокой, поведал бы страшную тайну. Рыба накапливает ртуть. Консервы увеличивают вероятность рака. Встав резко со стула, легко схлопотать инсульт. Острая фольга от шоколада «Аленка» в состоянии перерезать вену, если пилить ее этой фольгой некоторое время. А сама наша пища? Что она такое, как не кладбище пестицидов, гербицидов, консерванта Е и гормональных добавок!

Но если бы все ужасы мира ограничивались лишь этим! Как легко, как славно было бы тогда жить! Увы, несчастному Огурцову было известно в сотни раз больше. Взять хотя бы транспорт. Самолеты падают в океаны. Троллейбусы горят, как спички. Если троллейбус не сгорел сегодня – значит, он сгорел вчера. Автобусы только притворяются, что у них есть маршрут и остановки. На самом деле они терпеливо ищут закрытый железнодорожный шлагбаум, чтобы снести его и заглохнуть. А метро? Воздух в нем полон тяжелейших инфекций. Эскалаторы, обрываясь, хватают зазевавшихся бедолаг зубчатыми колесами и затаскивают в лязгающую утробу. А маньяки-машинисты, устремляющиеся в тоннели с ухмылкой на устах и с заземленными пневматическими дверями пассажирами?

Грустно, очень грустно жилось на свете злосчастному Антону Огурцову. Не жилось ему, а обиталось. Даже вечером, падая в изнеможении на холостяцкую кровать, застеленную бесплатно выданными самому себе в рекламных целях антисептическими простынями, он не мог забыться спасительным сном. Огурцов лежал и вспоминал, что в подушках живут стрептококки, выпитый на ночь стакан чаю может вызвать рвоту, а тлеющий матрас способен душить спящего человека за пять минут.

Среди ночи он просыпался в холодном поту. Ему мерещилось, что сорвало предохраняющий вентиль на трубе и квартира наполняется метаном. Кроме того, пакостный фальцетик регулярно нашептывал ему, что, по статистике, девяносто процентов людей умирают в постели.

Тот же неустанный фальцетик внушал Антону Огурцову бдительно относиться к своему здоровью.

В разное время сотрудник инофирмы подозревал у себя спондилоартрит, перитонит, пиодермию, гельминтоз, ирит, астигматизм, рак, лимфаденит, полиневрит, эндокардит, цирроз, трахеит, лепру и гингивит. То, что ни один из этих диагнозов не подтвердился, не ослабило его природной мнительности.

Не было ни одного крупного медицинского светила, к которому бы Огурцов не являлся на прием. Гомеопаты, вирусологи, дерматологи, аллергологи, бактериологи, гастроэнтерологи, терапевты, токсикологи и фтизиатры – все знали его в лицо. Всем им работник салфеточного фронта демонстрировал свой атлетический торс и настороженные глаза параноика. Отвязаться от перепуганного Огурцова, сгорающего от желания услышать правду, было невозможно. Он присасывался, как пиявка, и рыдал докторам в жилетки, умоляя: «Профессор, не обманывайте! Скажите правду, как бы жестока она ни была!»

Отчаявшись, врачи применяли последнее средство – посылали министра антибактериальных салфеток к своим коллегам, тоже маститым светилам, на которых у них имелся зуб. Врачи перебрасывались Огурцовым, как чугуной болванкой, спеша с его помощью подложить свинью недругу. В результате гистолог отсылал Антона к кардиологу, офтальмолог – к бальнеологу, а эндокринолог – к ортопеду.

На прощание каждое светило все же считало своим долгом что-нибудь выписать Огурцову на память о себе. В результате в кухонном шкафчике у Антона рядами выстраивались папазол, аспаркам, рибоксин, нитросорбид, норсульфазол, эринит, этазол, сенаде, сустав, теофиллин, левомицетин, холосас в синеньких бутылочках, холосас в красеньких бутылочках, тетурам, нембутал натрия, ноотропил, супрастин, гидрокортизон и самое любимое из всех лекарств, название которого Огурцов выговаривал за два страстных вздоха, – аноксидиллин 0,123. Могучий организм атлета пока успешно справлялся со всей этой дрянью, ежедневно пожираемой в немыслимых количествах.

С вредными привычками у герцога салфеток и магистра ордена ватных палочек было не то чтобы туго, а вообще никак. В этой графе у него стояли сплошные прочерки. Когда при нем курили, он зеленел. Иногда он выпивал вина, но исключительно в рамках ампелотерапии по одной чайной ложке два раза в день. Еще напряженнее было у Огурцова с девушками. Если случалось, что кто-нибудь из них заинтересованно подходил к мускулисту красавцу, Огурцов сразу обращался в бегство. Там, где другие видели девушек, он видел орды микробов, гепатит и вирус гриппа.

Когда Огурцову исполнилось тридцать пять, его родители, обитавшие в подмосковном Ногинске, забили тревогу и приняли его в плотный борцовский захват, заставляя жениться. С полгода поупрямившись, мнительный сотрудник фирмы одноразовых салфеток сдался. Он покорно вздохнул, скушал витамины и стал читать объявления в Интернете.

Написав Зозо очень скромное письмо – первое неделовое письмо в своей жизни, – он был крайне удивлен, когда его сразу сцапали под белые ручки и в спешном порядке мобилизовали на свидание.

* * *

Огурцов ждал Зозо там, где встречаются все лишённые воображения москвичи, – у памятника Пушкину. В руках у него был большой букет роз.

– Вы Зоя? – деловито осведомился он.

– Я? Да.

– Тогда это все вам. Держите цветы осторожнее. Не уколитесь! Это чревато споротрихозом, – предупредил Огурцов.

Зозо едва не уронила цветы. Она не знала, что такое споротрихозис, но слово звучало жутко.

Тем временем Антон Огурцов расправил богатырские плечи и изрек еще одну истину:

– Раз мы уже встретились, не стоит стоять у дороги. Я тут прикинул и понял, что за те десять минут, что я вас ждал, ко мне в легкие попало около четырехсот миллионов микроорганизмов. На многие из них у людей нет иммунитета.

Зозо на всякий случай терпеливо кивнула. Она давно уже привыкла, что на нее клюют исключительно психи. Такая уж у нее карма.

– Пойдемте куда-нибудь перекусим? Я с работы, – предложила она.

Это простое предложение вызвало самую неожиданную реакцию. Сотрудник инофирмы рассеянно воззрился на нее. Зозо ощутила, как его интеллект пробивается сквозь пелену гигиенических мыслей, спускаясь со звездных далей, где летают спиральные вирусы и парят мрачные кишечные палочки, на грешную, омикробленную землю.

– Хм... Э-э... Ну да...

– Вы против?

– Да нет. Перекусить, конечно, можно. Только вот где? – спросил Огурцов.

– Какая разница? Да хотя бы там!

Легкомысленно заигрывая с царящим на шипах споротрихозисом, Зозо взмахнула розами в сторону «Макдональдса». Антон дико уставился на нее и парализованно вздрогнул подбородком:

– Вы серьезно? Там же канцерогенные консерванты, маргариновые жиры и искусственные углеводы! Как вам не стыдно!

Зозо послушно застыдилась, но при этом робко заметила, что вся без исключения еда вредна и что же теперь – с голоду умирать?

Дрессировщик ватных палочек задумался. Зозо затосковала.

– Я бы все-таки поужинала! Я заплачу за себя сама, если вас что-то смущает, – сказала она настойчиво, ощущая звериный голод.

– Разве в деньгах дело? Что ж, идемте! Кажется, здесь есть рядом одно местечко... – кисло сказал Антон.

На его благородном лице прорисовалась необходимость подвига. Они куда-то пошли, свернули, снова свернули и скользнули в арку. Хотя на улице бушевало солнце, здесь царствовала сырость. Протиснувшись между припаркованными машинами, они миновали детскую площадку и нырнули еще в одну арку.

Здесь Огурцов остановился. Над маленьким подвальчиком с куцей искусственной пальмой у входа толпились яркие буквы:

«МЕЧТА ЙОГА»

– Это что еще такое? – спросила Зозо в ужасе.

– Диетический ресторан с вегетарианским уклоном. Кто-то – не помню кто, не помню когда – рассказывал о нем много хорошего, – гордо объяснил салфеточный маркиз.

Он достал из кармана салфетку, обернул ею ручку двери и брезгливо открыл. Когда Зозо вошла, Огурцов выбросил салфетку и боком юркнул в закрывавшуюся дверь, довольный, что улизнул от обитавших на ручке бактерий.

– Теперь вниз по ступенькам! Осторожно, можно упасть! – предупредил он.

Упасть можно было пятьдесят раз. Именно столько насчитывалось ступенек. Диетический ресторан помещался в бывшем бомбоубежище. В его единственном зале было зябко, как в склепе. Антон Огурцов со знанием дела осмотрелся и уселся за самый дальний столик рядом с огнетушителем.

Ресторан был совершенно пустой. Лишь у двери странный прилизанный человечек с подвижным, точно резиновым лицом охотился вилкой за единственной лежащей на его тарелке редиской. Охотился с таким рвением, что Зозо даже подумала: уж не глумится ли он над кем-то. Впрочем, в их сторону прилизанный человечек упорно не смотрел.

Через некоторое время к ним выползла бледная официантка. По всему было видно, что она крайне удивлена сегодняшнему наплыву посетителей. Полистав меню, Огурцов заказал салат «Двойное здоровье», спаржу и морковный сок. Официантка снова куда-то уползла. За перегородкой в кухне обозначилось вялое шевеление.

Зозо скучала и мерзла. Огурцов складывал из салфетки кораблик.

– Так и будем молчать? Вы о чем-нибудь собираетесь разговаривать? – нервно спросила Зозо.

Король одноразовых полотенец не ответил. Закончив кораблик, он взял следующую салфетку и сделал из нее жабу.

– Ау! Я здесь! – крикнула Зозо. – Можно узнать, о чем вы думаете?

Ей снова не ответили. Гигиенический герцог, не поднимая глаз от стола, молчал и сажал жабу в кораблик.

«Все! С меня хватит! Ухожу!» – решила Зозо. Она уже почти встала, когда из кухни показалась официантка с подносом. На подносе стояли два высоких стакана с морковным соком.

Застигнутая врасплох, Зозо осталась на месте. Увидев сок, одноразовый красавчик оживился и зашевелил пальцами.

– Какие тут некрасивые бокалы! Я люблю все изящное! – сказал он некстати.

– Какое совпадение! Я тоже! – сказала Зозо, радуясь, что ее собеседник вышел из летаргического сна.

– Представьте, недавно в антикварном я купил прекрасную шкатулку. Вот уж где чувство стиля!

– А что в ней такого особенного?

– Ну, она такая вся... древняя... резная, из красного дерева... на крышке солнце и два таких крылатых... дракона, что ли? С большим вкусом все! – затруднился точно описать Огурцов.

Человечек, охотившийся за редиской, замер.

– А что вы держите в шкатулке? – поинтересовалась Зозо с мягкостью психотерапевта.

Но Огурцов уже потух. Он взял вилку и брезгливо стал разглядывать ее на свет, проверяя, как она вымыта.

– Как что? Лекарства, которые надо хранить в сухом темном месте. Шкатулка отлично для этого подходит. Вверху несколько мелких отделений, а внизу одно глубокое. Кроме того, имеется несколько выдвижных ящичков. Там я храню витамины, – сказал он назидательно. – А вы где храните свои витамины, Зоя?

– Э-э... В холодильнике, – соврала Зозо.

Она подумала, что, будь у нее витамины на самом деле, их в два дня сожрал бы Эдя и покрылся бы диатезной коркой. Ее братец вечно страдал от неразделенной любви к халяве.

Огурцов ответственно жевал спаржу. Перед тем как проглотить, каждый кусочек он обрабатывал слюной не менее тридцати раз. На его лице читалась мысль, что усвоение пищи – важный и необходимый труд. Мышцы его крепких скул атлетично перекачивались. Зозо смотрела на него с раздражением. Ей хотелось запустить в него тарелкой с репой, а потом поймать такси, поехать и кого-нибудь покусать.

Покончив со спаржей, Огурцов по-птичьему посмотрел на Зозо и, набираясь решимости, забулькал морковным соком.

– Плохо жить одному. Одиночество меня угнетает. Мне нужна рядом родная душа. Мужчине, Зозо, невозможно существовать без женщины. Прямо-таки нереально, – страдальчески пожаловался он.

Зозо от неожиданности поперхнулась соком. Переход от невинного шкатулочного разговора к семейной жизни был слишком уж неожиданным.

– Нет, Зозо, без женщины мужчине никак, – продолжал развивать мысль Огурцов. – Вот, к примеру, станет ночью плохо с сердцем – должен же кто-то позвонить в «Скорую»? Я научу вас делать искусственное дыхание, Зоя! И мы будем вместе делать друг другу уколы! Рука у вас, надеюсь, легкая?

Зозо в тревоге стала озираться. Она никак не ожидала такого поворота.

– Так вы согласны? – воодушевился обнадеженный Огурцов.

– Соглашусь на что? – не поняла Зозо.

– Как на что? Выйти за меня замуж.

– Так сразу? Я вам не подойду. Я не умею ставить горчичники. Вам лучше поискать медсестру, – неожиданно для себя выпалила Зозо.

Верная женская интуиция подсказала ей, что перед ней полный и неизлечимый псих, которого не спасут уже никакие уколы.

Сотрудник инофирмы извлек из своей могучей груди тщедушный птичий вздох. Не похоже было, что он обижен. Скорее огорчен. Ресницы у него были длинные, как у девушки.

– Медсестру? Вы так считаете?.. Я как-то об этом не подумал. Может, лучше врача-реаниматора? Это, по-моему, надежнее, как вы считаете? Так сказать, более глобально! – серьезно спросил он.

– Безусловно. Всего хорошего! И удачи вам!

Зозо встала и начала пятиться. Она уже представляла, что покупает в киоске большую плитку шоколада. При мысли, что шоколад вреден, ей стало приятно.

– Постойте! Вас, вероятно, надо проводить? – спросил Антон.

– Ни в коем случае! Я сама доеду! – отказалась Зозо и навсегда исчезла как из ресторана «Мечта йога», так и из жизни Антона Огурцова.

Король полотенец мелкими глотками допил морковный сок и пощупал у себя пульс. Пульс был нормальный. На его давлении уход Зозо тоже как будто не сказался. Огурцов с облегчением подумал, что на сегодня все амурные дела закончены. При этом ему показалось, что мятолицый человечек с выпиравшими лопатками коварно подмигнул ему с соседнего столика. Действуя в лучших традициях минздрава, Огурцов не стал сразу волноваться. Он расплатился и вышел, вновь обернув ручку двери салфеткой, чтобы не посадить себе на руку микробов-десантников.

* * *

Домой Огурцов возвращался пешком: благо было недалеко. Шел и пугливо втягивал голову в плечи. Нагленький сутулый человечек с мятым лицом – тот самый, что подмигивал, – загадочным образом мерещился ему везде и всюду. Он прыгал в витринах магазинов, проезжал мимо в троллейбусах и такси, с поводком на шее бежал за собачниками и, болтая ногами, сидел на ограде бульвара. Один раз он даже ухитрился лукаво осклабиться с уличной рекламы модного журнала, где, причмокивая соской-пустышкой, разболтанно сидел на коленях у молодой модели. У Огурцова пересохло во рту. Он ощутил себя полным параноиком и всерьез стал размышлять о визите к психиатру.

Толкнувшись наконец в свой подъезд, он пристально уставился на консьержку, словно и в ней подозревал увидеть лукавого незнакомца. Уставился и успокоился. Консьержка была прежняя. Маленькая чистенькая старушка сидела в застекленной комнатке с геранями, слу-

шала радио и что-то читала. Поздоровавшись и получив в ответ «добрый вечер», Огурцов прошел было мимо, как вдруг что-то заставило его пугливо оглянуться. Консержка читала – о боги, нет! – журнал для культуристов «Железный человек», с обложки которого глазел все тот же страшненький мятолицый человечек. Он был раздет до плавок и тощ, как скелет воблы. Убедившись, что министр ватных палочек его заметил, человечек принялся махать ему руками и посылать воздушные поцелуи.

Огурцов метнулся в лифт и, ткнув пальцем кнопку, поспешно поднялся на свой этаж. Оказавшись в квартире, он захлопнул дверь, четырежды провернул ключ, задвинул засов и всунул цепочку. На ватных ногах Антон отправился на кухню и там, стуча ложкой о зубы, торопливо выпил три столовые и одну чайную ложку красного вина. Такого с Огурцовым сроду не бывало. Это было уже сродни безумной попытке посадить свою печень алкоголем. Однако богатырский организм короля салфеток выдержал и это.

Спрятав бутылку и ложку, Антон расслабленно побрел в комнату, собираясь полежать на диване и обдумать звонок психиатру. Толкнув дверь, он замер на пороге и... захрипел он ужаса. На том самом диване, на который он нацелился, подложив под спину его собственную подушку, развалился сутуленький человечек с подвижным, какам-то гибким лицом. В руке у него был большой пистолет, из которого подозрительный типчик, от усердия высунув язык, целился прямо в сердце Огурцову.

– Руки вверх! Всем стоять, лежать, сидеть! Выходить по одному, заходить толпой! Пиф-паф, все убиты! – сказал он мерзким голосом.

Колени у Огурцова подломились от страха. Пульс зашкалило. Тем временем человечек spryгнул с дивана и забегал по комнате, круша все вокруг. Зазвенело стекло, опрокинулся стул, из перевернутой тумбочки хлынули таблетки. Замелькали вырванные страницы медицинской энциклопедии, демонстрируя жуткие цветные картинки трофических язв.

– Где шкатулка? Признавайся добровольно: год за два пойдет! – грозно крикнул человечек, размахивая пистолетом.

Огурцов не ответил, однако его олений взгляд сам собой скользнул к шкафу. Странная личность, подскочив, дернула дверцу. Посыпались коллекционные чашки. Последней из шкафа выпала злосчастная деревянная шкатулка.

Мяголицый человечек протянул к ней руку, но тотчас, ойкнув, отдернул ее, едва коснувшись крышки. Один из его пальцев вспыхнул и прогорел почти до сустава. Комиссионер в панике затряс рукой, заохал и принялся лепить палец заново, удлиняя оставшуюся часть.

– Ненавижу эти светлые артефакты, не будь я Тухломон! Оно и силы-то в нем почти не осталось, а все равно не подберешься... Как же быть? А, знаю! – пробурчал он себе под нос.

Взмахнув пистолетом, он поманил к себе дрожащего Огурцова.

– Эй, ты, малый, а ну, поди-ка сюда! Возьми свою шкатулку!.. Открой ее! Шире!.. Дай взглянуть!.. Лекарства долой, они тебе больше не пригодятся.

Бледный от ужаса Огурцов заскулил, вытряхивая таблетки на ковер. Тухломон впился взглядом в дно шкатулки.

– А, вот тут как! Надави пальцем на дно рядом с правым краем! Держи, не отпускай!.. Что, не знал, что ли? Теперича другой рукой проверни солнце на крышке! Смелее проворачивай! Тебя оно не укусит!.. Готово? А теперь отпускай дно!.. Не держи, тебе говорят!.. Что, отошло? Вынимай! Ты ведь и не знал, поди, что тут потайное доньшко имеется!

Не сводя глаз с человечка и его грозного пистолета, Огурцов вынул дно шкатулки. Тухломон бросил внутрь жадный взгляд, однако увидел лишь жалкую горстку опилок. Лицо комиссионера разочарованно скукожилось. Смялось, как гнилое яблоко, на которое опустилась подошва. Он явно надеялся узреть там нечто более значительное. Однако комиссионер быстро взял себя в руки.

– Ошибочка вышла... Твоя шкатулка оказалась пустышкой. Пчелки полетели за медом дальше! – сладко сказал Тухломон.

Он подошел к окну и, ерзая гибким носом, воровато выглянул. Проверял, должно быть, нет ли поблизости опасных золотистых искр. В этот момент он очень похож был на вороватую крысу. Стражей света не обнаружилось. Тухломон осклабился.

– Запомни, ежели к тебе после меня прилетят такие златокрыленькие, с крылышками, передашь привет. Дядюшка Тухломон, мол, кланяться велел. Запомнишь? Из маразма не вывалится? – озабоченно спросил он у Огурцова.

Засим он помахал Антону ручкой и направился к двери. Король салфеток ощутил было облегчение, поняв, что ему сохранят жизнь, как вдруг на полпути Тухломон остановился и хлопнул себя по лбу. Звук был такой, будто ладонь шлепнула по рыхлому тесту.

– Ах да! Нюансик один! Шкатулочку-то я разломал, а кое-чего другое забыл... Поди-ка сюда, дружок! Живо!

Комиссионер оказался вдруг рядом с Огурцовым. Его пластилиновый рот раздвинулся. Герцог ватных палочек увидел изъеденные зубы и язык, покрытый могильной зеленью, сквозь который неторопливо проползал червяк. В мире не было ничего омерзительнее этого рта. Огурцов мгновенно покрылся брезгливым потом. Стараясь не дышать, он вжался спиной в стену.

– Отдай эйдос! – жутким голосом произнес Тухломон.

– Не-ет! – дрожа, промямлил Огурцов. Что такое эйдос и зачем его требуют, он не знал, но чувствовал почему-то, что это нечто крайне нужное ему самому.

– ЧТО? – страшно взревел комиссионер. – Не отдашь? Отдай, дрянь, а то поцелую! А вместе с поцелуем переносятся грипп, менингит, туберкулез и болезни сердца!

– Ньюет... – простонал Антон, но уже с новой интонацией. Мгновенный, неведь откуда взявшийся ветер швырнул ему в лицо вырванные страницы медицинской энциклопедии.

– Да, роднуля. Медицинский факт. Еще с поцелуем передаются ветрянка, оспа, ангина и дифтерит. И не проверяй, знаю ли я медицину! Я ее сам по приказу Лигула выдумал! – непреклонно заявил Тухломон.

Комиссионер вдруг страшно разросся. Посинел, как утопленник. Теперь он занимал добрую треть комнаты.

– ОТДАЙ ЭЙДОС, НИЧТОЖЕСТВО! Или смерть! Повторяй! «Я передаю свой эйдос Тухломону и отказываюсь от всех прав на него». НУ ЖЕ!

Страшный зеленый рот надвинулся на Огурцова. Из рта пахло сырой землей и гнилью. Вновь высунулся кошмарный, источенный язык. Но и этого комиссионеру показалось мало. Он поднял пистолет и направил его Огурцову в лоб.

– Эйдос или жизнь! Выбирай! Смерть тела или смерть духа! Говори, или застрелю! – змеей пробираясь в самое сердце Антона, пророкотал жуткий голос.

– Смерть духа... Отказываюсь от всех прав на эйд... – едва двигая губами, выговорил Антон.

– Эйдос! – услужливо подсказал Тухломон.

– Отказываюсь от прав на эйдос и передаю его Ту...

– ...хломон я. Нету у меня ни мамочки, ни папочки! Повторяй, не зли сиротинушку!

– Тухломону! – убито повторил Огурцов.

Комиссионер приятно заулыбался и одобряюще похлопал герцога гигиенических простыней по щеке.

– Надо бы погромче, да и так сойдет! Умничка, все сделал для папочки! А за то тебя люблю я, потому что ты лапуля! Потому что ты, хмырюля, Тухломону угодил! – умиленно и в рифму сказал он, перевирая известный детский стишок.

Страшный рот Тухломона захлопнулся. Зловоние мгновенно исчезло. Под глазами Тухломона обозначились мешочки, а само лицо провисло и обмякло, точно тронутый плесенью помидор. Плечи съежились, грудь опала. Да и сам комиссионер предстал вдруг жалким и ничтожным созданием. Огурцов с внезапным и стыдным прозрением понял вдруг, что то, чего он боялся, и то, чем так брезговал, оказалось просто дрянью – самым заурядным и нестрашным пластилином. Пластилиновым оказался и червяк, и ужасный пистолет. Дуло его смялось и поникло. Тухломон, покосившись на него, небрежно скатал пистолет в ком и прилепил его к ноге. Ком расправился, растекся и стал на место, как влитой.

– Преполезная вещичка! Ах-ах, знал бы ты, сколько дряни я из него уже лепил: и бомбы, и обручальные кольца, и чемоданчики с деньгами, и депутатские удостоверения... – поведаль он по секрету.

Устыдившийся Огурцов осознал, что стал жертвой грандиозного блефа. Но было уже поздно что-либо менять. Комиссионер, старчески шаркая, подошел к Антону и, запустив руку ему в грудь по самое плечо, что-то извлек. Это было не больно, разве что слегка противно. Огурцов так и не понял, что у него отняли, но испытал страшную пустоту.

– Ну вот и все!.. Как видишь, совсем не больно. Раз, два-с – и готово! Он и ахнуть не успел, как Тухломоша эйдос съел! – по-дружески заявил комиссионер, алчно разглядывая что-то лежащее у него на ладони... – До чего ж жалкий клиент пошел! Одного селедкой пуганешь, другого поцелуем, третьему шприц в нужный час подсунешь – и все, пакуйте груз... Э, милый, опростоволосился ты! Разве ж я тебе что мог взаправду сделать? Да ни в коем разе! Сказано: ни волоса не упадет с головы!.. Так только покричать, ногами затопать, червячка изобразить!

Огурцов шагнул вперед и, схватив комиссионера за шиворот, проблеял какие-то скомканные и невнятные слова. Кажется, он просил, почти молил вернуть ему что-то, но знал уже, что это «что-то» потеряно для него навсегда, а вместе с ним потеряно и все хорошее, что было и что могло бы быть. Потеряна надежда.

– Ну, бывай, солнце, не болей! Болеть тебе теперь никак низзя, потому как твое бессмертие накрылось медным тазом!.. Эхе-хе, самому смешно даже! А всего тебе только и стоило – хе-хе! – что пнуть меня хоть в треть силы или шкатулкой в меня бросить! Я б сразу и ушел!.. Нет во мне силы, пластилиновый я, дохлый!.. Прощевай теперя, бедолага! Пей витамины, родимый, и не чихай!.. – с лживым сочувствием произнес Тухломон, решительно высвобождаясь из огурцовских пальцев.

Небрежно помахав султану одноразовых полотенец ручкой, комиссионер хладнокровно шагнул в стену и растаял. Огурцов постоял немного в пустой комнате, а затем, всхлипывая, присел на корточки и горестно начал собирать с ковра таблетки. В груди у него зияла невидимая черная дыра.

Глава 4

Сколько шестерок в тузе?

Расставив пальцы, Улита с умилением разглядывала свои руки.

– Ах, какие они у меня красивые! И ведь ноги ничуть не хуже! И никто не ценит, разве что идиоты-джинны! Все видят только толстую слониху!

– «Толстую слониху» сказать нельзя. Это бессмысленно. «Толстая слониха» – это как «здоровенная лосиха». Лосиха и так здоровенная. Достаточно просто «слониха» или «лосиха», – заметила Дафна.

Улита подбоченилась. Светильники в приемной тревожно закачались. Висельники на картинах зажмурились. Античная статуя в ужасе отвернулась и закрыла лицо руками.

– Выключи звук, светленькая! Сама я себя могу хоть бегемотом называть. Но если кто-то посторонний вякнет еще раз про лосих, пусть учтет: на кладбище еще полно свободных норок! – грозно произнесла ведьма.

– Никто тебя никак не называл! Речь шла совсем о другом! – упрямо возразила Даф.

– Да уж, да уж! Разговор о слонах, лосях и прочих водоплавающих насекомых, конечно, затеялся чисто случайно! Смотри, светлая, крылья отсеку!

Видя, что Даф обижают, Депресняк выгнул спину и зашипел. Ведьма удовлетворенно кивнула.

– Ну все! Я предупреждала! Сейчас кто-то лишится хвоста! Я тебя насквозь вижу! Ты блондинка только с виду, а в душе ты подлая брюнетка! – мрачно сказала она.

– Посмей только тронуть моего котика! – рассердилась Даф.

В следующую секунду Улита материализовала рапиру, а Даф – флейту. Депресняк, не имея ничего, что можно материализовать, выпустил когти. Мир бодро покатился к войне.

– Может, объявим перемирие? Ну хотя бы на полчаса? – зевнув, поинтересовался Мефодий. Он привык уже к тому, что хотя в целом Даф и Улита ладят неплохо, все равно раза три в день у них начинается разборка.

Улита задумалась. Устраивать резню в приемной не входило в ее в планы. К тому же она уже успела остыть.

– Ты как? Против перемирия ничего не имеешь? – подозрительно спросила она у Даф. – Учти: через полчаса я сотру тебя в порошок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.